

Литературная газета

Воскресенье, 15 августа 1937 г.

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР.

№ 44 (680)

О работе издательств

Если присмотреться к тому, как издательства художественной литературы работают с многомиллионным советским читателем, на каком политическом и производственном уровне они находятся, как подбирают и воспитывают кадры, как работают с писателями, придется сделать очень суровые выводы. Работу издательств художественной литературы нельзя квалифицировать иначе, как плохую, негодную.

В сегодняшнем номере газеты мы печатаем ряд материалов, с разных сторон характеризующих деятельность Гослитиздата, «Академии», «Советского писателя».

Мы не раз уже приводили многочисленные факты, свидетельствующие о политических ошибках, о выпуске книг вредных, халтурных, стоящих ниже всякой критики. Мы не раз писали о притуплении бдительности в издательствах, о засоренности аппарата, о рабских темпах работы и т. д. и т. п. Можем ли мы сейчас сказать, что в издательствах произошел перелом, наметился сдвиг? Нет!

На собраниях актива Гослитиздата, где, к слову сказать, отсутствовали писатели, т. Накоряков делал оптимистический доклад. Неизвестно, на чем основывался этот оптимизм. Из 69 книг, которые должны выйти в Великой годовщине Октября, в производстве находится только двадцать шесть.

План этих изданий не подвергался до сих пор обсуждению писателей и критиков и даже актива работников издательства. Это неудивительно, ибо редакторы Гослитиздата по месяцам не встречаются с главным редактором.

О плане юбилейных изданий не знал даже заведующий производственным сектором.

О нетерпимых, невероятно растянутых сроках нахождения книг в производстве нечего и говорить — сроки эти исчисляются годами.

Существует реальная угроза, что к двадцатой годовщине Великой социалистической революции советский читатель не получит от Гослитиздата достаточного количества разнообразных, новых книг наших писателей и даже лучших старых книг в юбилейном издании. Чего же стоят всякие разговоры о принимаемых мерах, о перестройке и улучшении работы, если на них не следуют реальные результаты? Чего же стоят необоснованный оптимизм и благодушные разговоры руководителей Гослитиздата?

Но то, что делается в Гослитиздате, поистине бедствует перед «трудами и

делами» издательства «Академия». Его руководители и работники допускали в течение долгого времени беспрепятственное хозяйничанье Л. Полонской, подымавшейся в издательстве в качестве главного редактора. Результаты этого хозяйничанья налицо. Засорение кадров издательства, безобразное обращение с материальными средствами, преступная щедрость за счет государства, замораживание огромных сумм в рукописях, в иллюстрациях, которые потребуются через два и три года, возмутительное растягивание выпуска собранных сочинений классиков на долгие годы, бесконечная уплата штрафов за плохую работу издательства, комментаторов, редакторов. Подобная, с позволения сказать, работа была бы абсолютно нетерпима даже в течение месяца на каком-нибудь советском предприятии, а в «Академии» так работают токами.

Нельзя ни одного дня терпеть такого положения в издательстве в то время, когда каждый день дает нам по всей стране замечательные образцы работы по-сталински, по-большевистски, по-сталински.

Безобразную работу издательства «Советский писатель» совсем недавно резко характеризовали «Известия». Мы в сегодняшнем номере показываем уголок так называемой массовой работы этого издательства. Что же оказывается? Читатели-метрополитенцы в своих суждениях об очерочной скверной книжке, выпущенной этим издательством, оказываются гораздо выше издателей, редакторов и авторов. Мало того, массовая работа с читателем вместо того, чтобы стать средством политического и художественного воспитания читателей, развития их вкуса, превращается попросту в рекламу негодной продукции. Издательство предумышленно ведет эту рекламную работу «своими силами», не привлекая к обсуждению ни широкие слои писателей, ни критику.

Только в такой гнилой обстановке и может родиться попытка автора пошловатых рассказов сравнить себя с Мопассаном, Чеховым, Мережко, не встретившая никакого отпора.

Все эти факты заставляют сделать вывод: работа центральных издательств художественной литературы крайне плоха, она не обеспечивает удовлетворения запросов и требований советского читателя. Деятельность Гослитиздата, «Академии», «Советского писателя» должна быть взята под огонь большевистской самокритики, проверена всесторонне. Только этот путь приведет к решительному перелому в работе не на словах, а на деле.

Художники Грузинской ССР готовятся к 20-й годовщине Великой Пролетарской Революции. На снимке: Художник-орденоносец Мосе Тоидзе у картины «Счастливая жизнь», которую он готовит к выставке, посвященной 20-летию Великой Пролетарской Революции. (Соафот).

Навстречу XX-летию Великой пролетарской революции

Беседа с Садреддин Айни

В Москве сейчас находится таджикский писатель Садреддин Айни. Один из крупнейших народных поэтов и старейший писатель-прозаик Таджикистана ССР, Садреддин Айни много сделал для развития ее литературы и культуры. Им собрана и составлена антология таджикской поэзии, в которую вошли лучшие ее образцы. Его перу принадлежат известные переводы на многие языки повести «Алиш» — приключения белая-таджика и первый роман на таджикском языке «Раби».

Садреддин Айни принимал участие в революционном движении и испытал на себе все тяготы бухарских тюрем и пыток эмирских палачей.

Значение литературной деятельности Садреддина Айни далеко выходит за пределы Таджикистана. Характерно, что в Иранском парламенте во время прений по вопросам литературы депутаты указывали, что классическая струя иранской литературы жива сейчас не в Иране, а в Советском Таджикистане, и в доказательство приводили повесть Айни — «Алиш».

В беседе с сотрудником «Литературной газеты» Садреддин Айни со-

общал, что к 20-летию Октябрьской революции им написана поэма «Джани адед об» — «Война человека с водой», на тему о Вахшском гидроэлектростроительстве. Кроме того Садреддин Айни работает над составлением толкового таджикского словаря и редактирует собранные молодыми таджикскими писателями Декхати народные таджикские новеллы.

На вопрос о том, какими новыми произведениями таджикская литература встречает двадцатилетие Великой пролетарской революции, Садреддин Айни ответил:

«К двадцатилетию Великой социалистической революции союз советских писателей Таджикистана ССР выпускает альманах на таджикском и русском языках. В альманах должны войти новое произведение Лахути, открытки из поэмы о Вахшестре Садреддина Айни, новая драма Гаия Абдулла, новый роман Аликуша, повесть Икрами и др.

Кроме того октябрьский и ноябрьский номера журнала союза советских писателей Таджикистана «За социалистическую литературу» будут целиком посвящены двадцатилетию Великой пролетарской революции.

Литературные радиопередачи

Сектор литературно-драматического вещания Всесоюзного радиокомитета готовит к двадцатой годовщине Великой Пролетарской Революции цикл юбилейных передач.

По радио будут передаваться литературные произведения: «На Востоке» Павленко, «О счастье» Гребовой и по повести «Шорс» Эрлиха и Герасимова.

В октябре начнется цикл передач «Наша родина». Он будет состоять из произведений А. Фадеева, П. Панфилова, В. Финна, Н. Вирта, В. Гусева, М. Слонимского, Б. Ромашева и других советских писателей.

Отдельные передачи будут посвящены творчеству В. Маяковского, Д. Фурманова, Н. Островского, народных певцов Сулеймана Стальского, Давябула и др.

Далее намечены тематические литературно-художественные передачи:

«Счастливая юность», «Гордые соколы нашей родины», «Красные пограничники», «Москва — столица социалистического общества», «Ленинград — колыбель Октябрьской Революции», «Канал Москва — Волга» и др.

Тематически будут построены и программы радиопередач, посвященных фильму «Страны союзов», «Ленин и Сталин в творчестве народов СССР» и т. д.

Специальная серия литературно-музыкальных передач будет посвящена искусству 11 союзных республик.

В юбилейные радиопередачи большое место займут высказывания о СССР Ромэн Роллана, Анри Барбюса, Л. Фейхтвангера и других наиболее передовых писателей мира и программы, посвященные революционной Испании.

Жизнь замечательных большевиков

Партиздат ЦК ВКП(б) предпринял дело, имеющее огромное политическое воспитательное значение — издание серии биографий выдающихся деятелей большевистской партии, сподвижников Ленина и Сталина, под общим названием «Жизнь замечательных большевиков».

В этой серии вышла книга Л. Берия о Лео Копелови — ближайшем сподвижнике товарища Сталина. На днях выйдет в свет прекрасное оформление книжки т. А. И. Микояна — «Феликс Дзержинский», представляющая собой переработанный

доклад т. Микояна на общегородском партитиве и собрании работников НКВД, посвященном десятой годовщине со дня смерти Ф. Э. Дзержинского.

В дальнейшем Партиздат намечает выпуск художественно-популярных брошюр с биографиями выдающихся большевиков: Фрунзе, Кудашева, Дубровинского, Бабушкина, Пулюкяна и др.

Книжки серии «Жизнь замечательных большевиков» будут выходить массовыми тиражами — не менее 100 тысяч, в хорошем художественном оформлении.

Обелиск памяти героев гражданской войны

МИНСК. 14. К 20-й годовщине Великой Пролетарской Революции в Борисове, на высоком берегу реки Березины, будет воздвигнут 20-метровый памятник-обелиск в честь героев гражданской войны, павших за дело освобождения БССР от бело-польских оккупантов.

Автор проекта памятника — бело-

дский украшен большой фигурой всадника с красным флагом и фигурами красноармейца и партизана. На двух лицевых гранях будут гербы СССР и БССР, а по бокам — два барельефа. На одном из барельефов изображены наступление красной конницы, на другом запечатлен образ Серго Орджоникидзе во время разведки в районе Борисова.

Л. НИКУЛИН

Большая тема

чтобы не «заиграли» вагоны, чтобы не порвался состав.

Этот скоростной пробег сквозного состава есть победа над рутинной, победой над косностью, а главное — победой над старыми, капиталистическими методами эксплуатации железных дорог.

Большое и сложное искусство — водить грузовые, тяжелые составы. Здесь сказывается характер машиниста, его индивидуальность, его умение, стиль его работы, изобретательность.

Старое дело «Славянский» на Донецкой дороге в некотором роде историческое дело. Ничего привлекательного, особо интересного не представляют собой пятидесятiletняя давности аэриды. Но вы входите в эти высокие стены с известным волнением.

Здесь стоял 8Х 68437 — паровоз Кривоноса, который приготавливала легендарному пробегу бригада орденосца Мороза.

История борьбы вокруг пробегу Кривоноса — у всех в памяти. Работники Славянского дела любят вспоминать о горячих спорах, о людях, мешавших Кривоносу, о людях, поддерживавших его и идеи скоростного пробегу грузового состава.

Теперь все это в прошлом, в воспоминаниях, в специальной технической литературе. Для того, чтобы обрисовать великие сдвиги, происшедшие в этих местах (и по всем дорогам страны), достаточно сказать, что молодой машинист, инициатор скоростного пробегу Петр Кривонос — начальник исторического паровозного депо в Славянске.

И рядом со старым депо выстроено по последнему слову техники новое депо для мощных паровозов ФД — Феликс Дзержинский.

В старом Славянском депо еще легко можно увидеть бывалый, видевший виды паровоз. На металлической доске, укрепленной под окном машиниста, надпись: «Паровоз имени Котельникова». На этом паровозе ездил в качестве помощника машиниста погибший на дальневосточном рубеже герой-пограничник Котельников.

С каким волнением читали в красном уголке письмо пограничника-товарища погибшего на посту Котельникова. Они просили, чтобы паровоз имени Котельникова сделали стахановским паровозом. И так оно и будет. И Славянское депо будет стахановским, кривоносским депо. Заполнотому — слова, напечатанные за подписью машиниста-кривоносца в «Железнодорожнике Донбасса»:

«Есть у меня три гордости: моя первая гордость то, что я большевик. Моя вторая гордость то, что меня выковала Красная Армия. И моя третья гордость то, что я стахановец транспорта».

Новое понимание чувства собственного достоинства, новое качество чести появилось у рабочего человека нашей страны. Теперь он думает и говорит не о личной своей чести, а о чести коллектива, о чести того отряда трудящихся, в рядах которого он сражается за новую и счастлившую жизнь.

Таким образом этот черствый, казавшийся, материал, так называемая сухая тема художественного произведения наполняется живым, теплым, волнующим и новым содержанием. И отдаст свое время, свой труд этой большой и глубокой теме — почетная задача писателя.

А ВОЗ И НЫНЕ ТАМ...

На активе Гослитиздата

Второе собрание актива Гослитиздата открылось в полушестом зале, с опозданием на 1 час 15 минут — докладом директора издательства т. Накорякова о выполнении решений первого актива и о плане издания, выпускаемых к двадцатилетию Великой Пролетарской Революции.

Речь т. Накорякова была так же «оптимистична», как и три месяца назад, на первом собрании гослитиздатского актива.

Но факты — упрямая вещь! Докладчик должен был признать, что за последнее время издательство работало на рух вон плохо, что руководство его не только не сумело исправить свои прежние политические и производственные ошибки, но усугубило их, что оно не сумело реализовать почти ни одного из предложений сотрудников и писателей.

Руководители Гослитиздата не укрепили кадрами главную редакцию, не укрепили идеологического и организационного руководства редакциями, не повысили своей политической бдительности.

Не укрепили издательство своей связи с писательской массой. Писатели попрежнему приходят в Гослитиздат лишь за тем, чтобы заключить договор, получить аванс.

К двадцатой годовщине Великой Пролетарской Революции Гослитиздат готовится плохо: из 69 книг, которые намечены к двадцатилетию, сегодня в производстве находится только 26. Остальные произведения все еще редактируются или дорабатываются авторами. Когда они поступят в производство — никто точно не знает.

Ни словом не обмолвился т. Накоряков о том, обеспечены ли юбилейные издания бумагой, подготовлены ли типографии.

Из прений выяснилось, что план юбилейных изданий до этого времени был известен лишь руководству Гослитиздата и отдельным редакционным работникам. Заведующий производственным сектором т. Кузнецов заявил, что работники сектора только на активе узнали о книгах, которые должны выйти к 20-й годовщине Октябрьской Социалистической Революции.

До Великой годовщины осталось меньше трех месяцев. Однако это не беспокоит беспечных издателей.

Доклад о «тематическом плане» современной художественной литературы на 1937 г. сделал на активе т. Серебрянский.

Прения по докладу всерьез подождали неподготовленность актива к обсуждению плана. Редакционные работники в прениях почти не выступили.

Говорили о чем угодно, только не о редакционно-издательской работе. Единственный в зале писатель Крикуцкий выступил о клеветнической речи, которую он закончил утверждением, что советским писателям негде обсуждать творческие вопросы. «А вот раньше, бывало, в кафе Греко собирались мы, писатели, играли в рулетку и... обсуждали».

Эти нелепые рассуждения разглагоствования с трибуны актива никто не прерывал, не считая нужным прервать.

Во второй день актива выступили редакторы тт. Ляй, Белкина, Ковалев, Малишева, Ионов. Они открыто заявляли, что не собирались выступать потому, что актив издательства не подготовлен по тем вопросам, которые на нем поставлены.

— О чем говорить? — спрашивали т. Белкина. — Повторять то, что было сказано, и требовать записки в резолюцию то, что было уже записано в резолюции прошлого актива?

— Где, на каком заводе, — спрашивает другой редактор, — главный инженер месяцами не беседует с инженерами основных цехов? А у нас, если мы сами не добьемся приема у главного редактора, он никогда не заинтересуется, чем мы занимаемся.

Особенно долго останавливались выступающие на вопросе о подборе кадров.

Мы сами виноваты в том, что там не с кем работать, — заявляли руководители активы. «Мы должны были воспитать работников, но при существующей практике в издательстве воспитательную работу развернуть невозможно».

Какими темпами работает Гослитиздат? Одна из лучших книг Фейхтвангера «Иудейская война» выпускалась три года. Два года ушло на то, чтобы доказать главной редакции полезность и необходимость издания этой книги. Находим разрешение было получено 3 августа 1936 г. сектор иностранной литературы стал рукописи в набор. А тираж этой книги получен только несколько дней назад.

О работе с молодыми писателями говорили на активе тт. Виноградов, Котов и др. Все они подчеркивали, что со стороны руководства Гослитиздата никакой помощи молодым авторам не было.

Была филантропия, но не было интереса, — заявил т. Котов. Десять молодых авторов назвал т. Накоряков, как писателей, выявленных Гослитиздатом. Но т. Накорякову напомнили, что он не только не принимал участия в выдвинутых этих авторов, но порой препятствовал им.

Так было с автором повести «Кочубей».

«Слабая и сырая» — дал о ней заключение Накоряков.

Повесть появилась в журнале «Октябрь». Пресса дала ей положительную оценку; и вот теперь т. Накоряков решает издать ее в двадцатилетие Великой Пролетарской Революции.

Актив потребовал от руководства издательства одного — реализации резолюции прошлого актива, потому что ни один пункт ее еще не выполнен.

В. ТОНИН.
Н. ЯКОВЛЕВ

ОТ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ КОМИССИИ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ПЕРЕЛЕТОВ МОСКВА — СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА

Как вчера сообщалось, перелет Героя Советского Союза т. С. А. Леваневского на самолете «СССР Н-209» протекал в очень трудных атмосферных условиях. Самолету из-за высокой сложности облачности приходилось лететь на большой высоте до 6000 метров. В 14 часов 32 минуты вывел из строя один из моторов, и самолету пришлось снизиться до 4600 метров. С тех пор полные радиопередачи с самолета не приняты. На принятых отрывках телеграмм явствует, что самолет еще некоторое время продолжал путь. Можно думать, что вынужденный лететь в облаках, самолет мог подвергнуться обледенению, что привело к вынужденной посадке на лед. Условия льда в районе полета и за ним являлись сравнительно благоприятными для такой посадки. Все полные радиостанции продолжают непрерывно слушать на волне самолета. Несколько раз радиостанция слышала работу на волне самолета т. Леваневского, но из-за слабой слышимости четкого достоверного принять не удалось.

Экипаж самолета «Н-209» обеспечен продовольствием на полтора месяца, а также палатками, спальными мешками, теплой одеждой и оружием.

Обсудив положение, Правительственная комиссия приняла ряд мер для немедленного оказания помощи. Помощь организуется в двух направлениях: в Восточном и в Западном секторе Арктики.

По Восточному сектору, со стороны Чукотского полуострова, приняты следующие меры:

1. Ледокол «Красин», находящийся у берегов Чукотского моря, дано приказание немедленно направиться к мысу Шмидта, где находится авиабаза Главсевморпути, взять на борт 3 самолета с экипажами и

горючим, направиться в район мыса Барроу на Аляске и отсюда на север, насколько позволят льды, где и слухать базой.

2. Пароходу «Микоян», находящемуся в Беринговом море, приказано о полном грузом угля направиться к «Красину».

3. Двухмоторный гидросамолет «СССР Н-2» летчика Заднова, находящийся в бухте Ногаева, получил приказание немедленно направиться в Уэльен и отсюда к месту «Красина».

По Западному сектору, опираясь на авиабазу острова Рудольфа на станцию «Северный полюс» тов. Панинина, даны следующие указания:

1. Подготовить к вылету три самолета «АНТ-6», вернувшиеся с полета в Москву. Эти самолеты под командованием Героев Советского Союза тт. Водопьянова, Молокова и Алексеева направляются на остров Рудольфа, а отсюда в район Северного полюса.

2. Полярная станция Панинина, находящаяся в настоящее время на нулевом меридиане и широте 87° 20', будет превращена в авиабазу — исходную точку для поисков — путем переборки горючего с острова Рудольфа на самолетах «АНТ-6».

На запрос Комиссии тов. Панинин ответил, что его поле сохранилось полностью и посадка самолетов возможна.

3. Двухмоторный самолет «СССР Н-206» Героя Советского Союза т. Голынина и «СССР Н-207» летчика Грачанинского дано предписание вылететь на остров Диксон и быть там в резерве для вылета на Север в Западный или Восточный сектор Арктики, смотря по необходимости.

Вся сеть радио- и метеостанций продолжает работу.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ КОМИССИЯ.

ГОРЬКИЙ и ЧЕХОВ

«Если бы Гегель создавал свою систему в наши дни и если бы он был знаком с новейшей русской литературой, то несомненно в Чехове и Горьком он мог бы увидеть интересные образы тесны и антигегельянства. Эмблема одного — тоскующая скорбная чайка, эмблема другого — смеющийся и гордый буревестник» (см. «К правде», 1904 г.).

Такими антиподами представлялись Горький и Чехов некоторым своим современникам.

И в самом деле, на первый взгляд, два как будто диаметрально противоположных писательских образа.

С одной стороны, молодой Горький, только начинающий свой литературный путь, путь страстного борца, восторженного желания строить новую, свободную для человека жизнь, на обломках старой, тесной. Исходный вздох и поперек всю Россию, он с жаждой и страстью «пожирал» жизнь («Мне некуда было учиться, я все жрал жизни»), с любовью и пылкостью пошатывался в человека — «самое чудное, самое высокое создание в мире».

А с другой стороны, еще не старый, но уже в зените славы, уже умудренный и отяжеленный писательским опытом Чехов, «присосавшийся к месту» («со годами как-то тяжелее, присосавшись к месту»), жалующийся на одностороннюю жизнь, жалующийся на свою внутреннюю опустошенность.

Конеч 90-х, начало 900-х гг. — это годы оживленной и задушевной переписки двух писателей, в которой мы находим взаимную высокую оценку творчества. «Если бы познались и в повести, как в другом, то вы убедились бы, как я высоко вас ценю и как мне вальды возлагаю на ваше дарование», писал Чехов начинающему Горькому (письмо от 3 дек. 1898 г.). А в ответ Алексей Максимович, взволнованный и «шпеленный» помощью чеховского таланта, восторгается творчеством своего старшего товарища и друга («В русской литературе не было повестей, подобных Вам, а теперь Вы у нас самая ценная и крупная фигура»), гордится его отношением к себе.

На какой основе устанавливается дружественная связь молодого Горького с Чеховым, что объединяет их, как перекрещиваются их творческие интересы?

Искусство реализма, ставящего выше всего суровую неприкрашенную правду жизни, было одинаково дорого и Горькому и Чехову. Революционная романтика раннего Горького отнюдь не противоречит реализмическим основам, заложенным с самого начала в его художественном творчестве, являясь, по собственному выражению А. М., лишь «поведением» его реализмического стиля. В ряде писем к А. П., в воспоминаниях о нем Горький восторгается замечательным реализмом чеховского творчества, умением «вернуться в глубь и в суть жизни», как «буря в земле», «беспощадно и правдиво раскрывать людям позорную и тоскливую картину жизни».

В критической статье, посвященной анализу рассказа «В овраге» («Литературные заметки»). По поводу нового рассказа А. П. Чехова «В овраге» — 1900 г.), Горький как бы подытоживает свою оценку Чехова-реалиста. «В рассказах Чехова нет ничего такого, чего не было бы в действительности. Страшная сила его таланта именно в том, что он никогда ничего не выдумывает от себя, не изображает того, чего нет на свете... (разрядка Горького).

В свою очередь Чехов среди ранних произведений Горького выделяет, как лучшие, его реализмические бытовые рассказы. «В степи», «Мой спутник» получают наиболее высокую оценку А. П. «Двадцать шесть и одна» привлекает Чехова опять-таки бытовым колоритом: «В рассказе

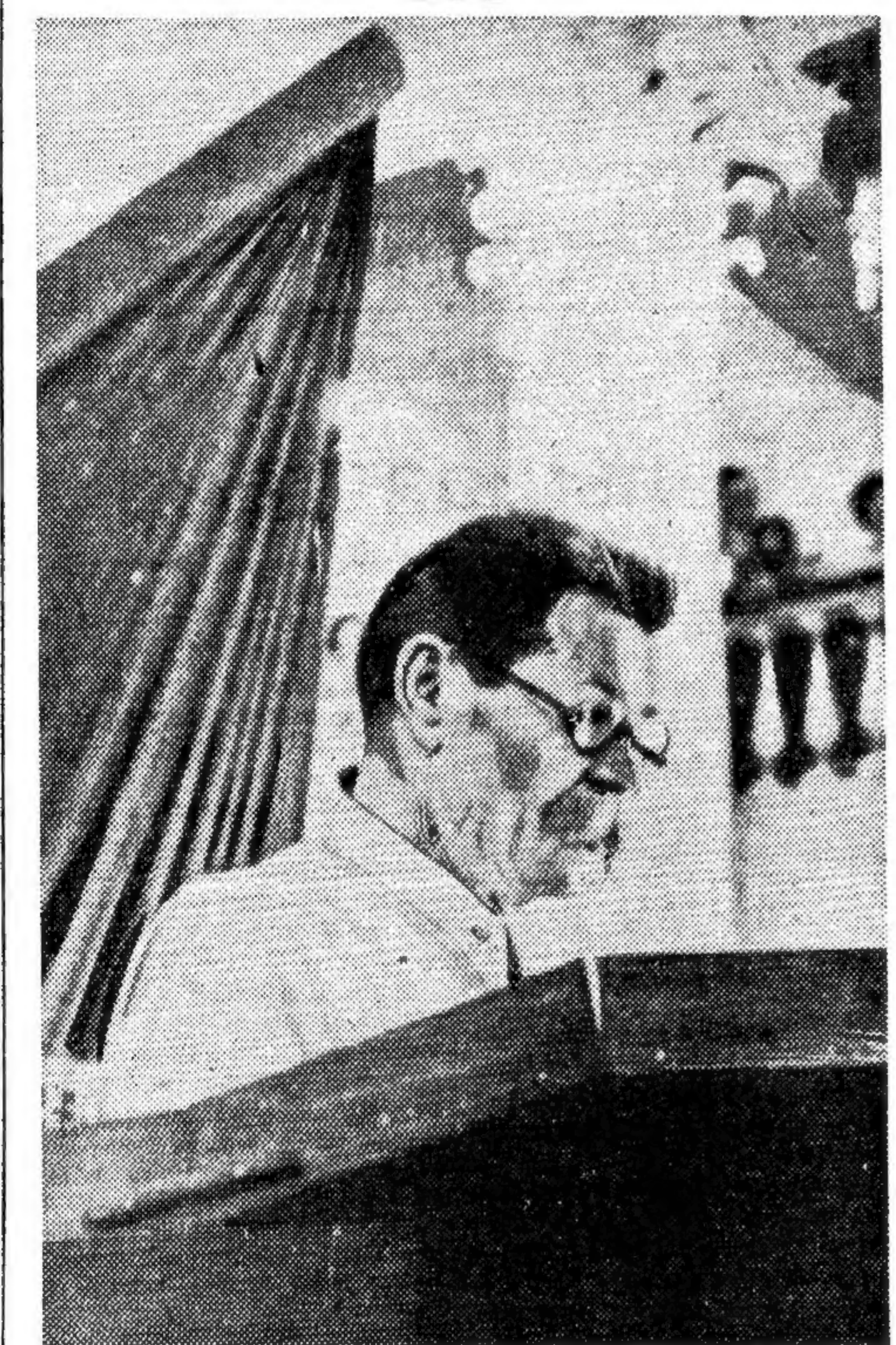
сильно чувствуется место, пахнет близкими». (Письмо 15 февр. 1900 г.).

И с одинаковым восторгом выступают оба против декадентски-протестных, антиреалистических пристрастий Л. Андреева. Горький, для которого понятие реализма было адекватно искусству глубокого обобщения, отнюдь не удовлетворяется эмпирическим наизыванием фактов. Отрицательно оценивая андреевского «Сашку Жигулеву», Горький пишет: «Хотя эта повесть и насыщена фактами русской действительности — освещение и толкование фактов совершенно литературное, т. е. искусственное, не живое» (письмо Л. Андрееву, недатированное). И этому мнению, ограниченному, устойчивому реализму противопоставляет Горький чеховский реализм, который «вызывается до одухотворенного и глубокого продуманного символа», до «философских обобщений».

Но уже в те годы Горький ищет дальше Чехова. Основательный социалистический реализм, реализм нового качества, Горький не удовлетворяется отражением в искусстве «ничей и уродливой правды» современности. Он ищет «высокой правды искусства, жизнь которого дилетантская... личной жизни, правды, которая важнее жалкой правды нашего сегодня» (письмо Горького к И. Д. Сургучеву от 10 января 1912 г.).

И эта «высокая правда» реализмического искусства требует от художника новых героических тем, героических образов, которые помогли бы людям во имя светлого революционного будущего преодолеть «кажущуюся мерзость» настоящего. «Правда же — настало время нужды в героическом», пишет Алексей Максимович, взволнованный и «шпеленный» помощью чеховского таланта, восторгается творчеством своего старшего товарища и друга («В русской литературе не было повестей, подобных Вам, а теперь Вы у нас самая ценная и крупная фигура»), гордится его отношением к себе.

■ ■ ■

А. М. Горький на трибуне Первого Всесоюзного Съезда Советских Писателей — в августе 1934 года.

чешком», пишет Алексей Максимович Чехову, «все хотят возбуджающего, яркого, такого, знаете, чтобы не было покоем на жизнь, а было выше ее, лучше, красивее...» (январь 1900 г.). Это не отказ от реализма, не противоречие реализмическим помыслам и устремлениям Горького, это дальнейший шаг от реализма критического к созданию искусства будущего, искусства социалистического реализма.

В противоположность лагерю символизма, пытавшемуся объявить Чехова «своим», облачить его в декадентски-импрессионистическую тогу, молодой Горький отчетливо разграничивает реализмическую сущность чеховского творчества. С темной прозрачностью увидел он в зрелом писателе то, что было присуще его собственному мироощущению, его эстетическим взглядам.

В отличие от всей плеяды критиков ранних лет уже в те годы Горький увидел в Чехове не «пещера мумий людей», не «нытика и пессимиста, а прежде всего разоблачителя мещанства». «Огромное вы делаете дело вашими маленькими рассказами — возбуждая в людях отвращение к этой сонной полумертвой жизни — вот бы ее поборли!» (письмо Чехову, январь 1900 г.).

Не «объективиста» Чехова увидел Горький, а Чехова протестующего, не примиренного с действительностью, которая рождает «человека в футляре», «кутера Пришибея», «самодушника» и «хамелеона». Вразумительная, оттолкнувшая его впоследствии от Л. Андреева («Меня всегда раздражал его пессимизм, — это то, что он называл моим оптимизмом, и что я лично называл исторической сознательностью»), Горький в противовес всей современной критике уловил глубоко ценную для него в Чехове ноту — ноту бодрости и любви к жизни.

■ ■ ■

жизни» (Горький: «Литературные заметки»).

И наконец, великому гуманисту, для которого литература, прежде всего, была трибуной, откуда он говорил о любви и уважении к человеку, близки и дороги были рассказы Чехова, пропитанные не только глубоким знанием жизни, но и «мудрым беспристрастием и состраданием к людям, не жалостью, а состраданием умного и чуткого человека, который все понимает» (там же).

Реализм, любовь к человеку, к жизни — вот самое ценное в Чехове для Горького, то, мимо чего прошли равнодушно близорукие критики-современники, то, что связывает эти два имени.

Гораздо менее зорким в отношении Горького оказался Чехов, который не смог уловить основного в творчестве будущего автора «Матери». Горький, горячий и страстный боец, создатель образа гордого буревестника и волевого сокола, не был восприимчив к чеховским прозаическим, в которых еще приглушенно звучал социальный протест молодого писателя. Он не видел в Горьком, главным образом, лирика («Вы по натуре лирик, тембр вашей души мягкий. Если бы вы были композитором, то избегали бы писать марши»), он воспринимал «музыкальность» и «стройность» его ранних рассказов (см. т. V писем Чехова).

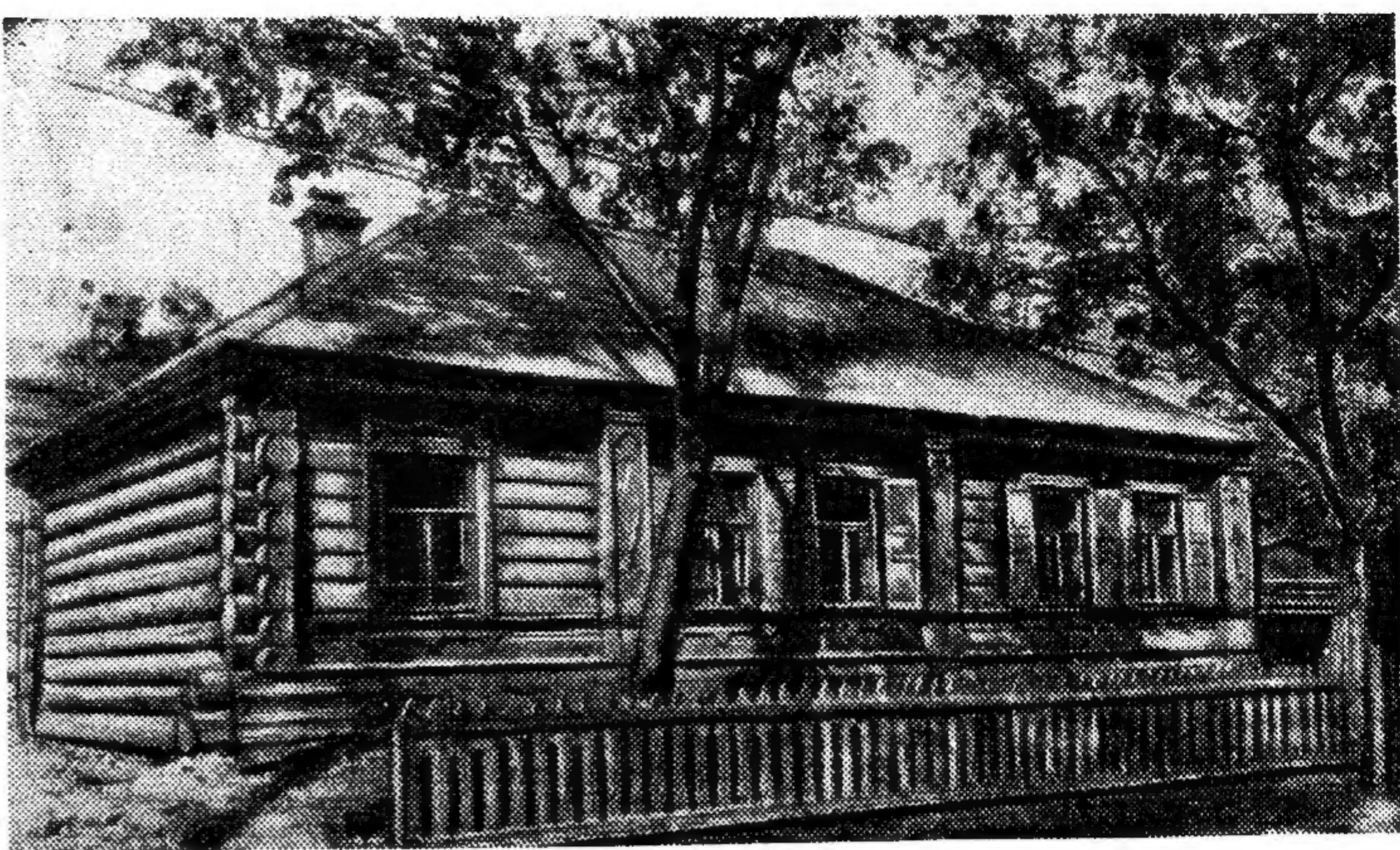
Торжественно приподнятый, иногда подымающийся до патетик стиль ранних произведений Горького о их свободомыслием героями, с образом безграничной морской стихии, символизировавший протест против душной и смирной действительности, — вся эта революционная романтика воспринимается Чеховым, как «утомительная риторика, как «несдержанность» еще не овладевшего мастерством писателя. «Несдержанность чувствуется в описании природы, которым вы прерываете диалоги... частые упоминания о нем, шопоте, бархатности и пр. придают эти описания некоторую риторичность, односторонность — расколачивают, почти утомляют... Чего вы говорите о волях».

Письма к А. М. переплетают Чехов рядом литературных советов, указаний, непосредственно обращенных к молодому автору. Признанный мастер маленького рассказа, один из лучших в мировой литературе новеллистов, Чехов учит начинающего Горького компактности, сдержанности, «грации». Лучшие заветы чеховской пушкинской прозы передает Чехов своему младшему товарищу: «Красочность и выразительность в описании природы, — пишет он, — достигаются только простотой, такими простыми фразами, как «зашло солнце», «стало темно», «пошел дождь». «Читая корректуру, вычеркивайте где можно определения существительных и глаголов. У вас так много определений, что внимательный читатель труден разбираться и он утомляется. И дальше в том же духе: «Писните, пишите и пишите, пишите обыкновенно и по простоте — и да будет вам хвалка велика». (Письмо от 7 июля 1900 г.).

И эту простоту чеховского письма, стремление к четкому, ясному слову, лишенному вычурности и претенциозности, не только оценил, но усвоил молодой Горький и пронес через всю свою творческую жизнь.

Взаимные оценки Горького и Чехова чрезвычайно характерны для обоих писателей, они подчеркивают идейный облик каждого из них, их эстетические взгляды. Несмотря на глубокую разность своих темпераментов, творческих профилей, они с самого начала связаны общей любовью к искусству высокой и суровой правды, к искусству подлинного реализма.

Л. ПОЛЯН

«Домик на с'езде» — на бывшем Успенском, ныне Почтовом с'езде в г. Горьком. В этом доме в семье своего деда В. В. Каширина жил по возвращении из Астрахани 5-летний Алеша Пешков. (Дом частично реставрирован).

Б. НЕЙМАН

Язык пьес Горького

Значение языка в творчестве драматурга очень рельефно подчеркнуто самим Горьким в статье «О пьесах». В романе или повести, говорит Алексей Максимович, все «люди, изображенные автором, действуют при его помощи», так как писатель комментирует их поступки. Иное дело пьесы. Здесь действующие лица «создаются исключительно и только их речами, т. е. чисто речевым языком». Отсюда вытекает требование Горького, чтобы речь каждого персонажа «была строго своеобразна, предельно выразительна».

При этом Горький горячо возражал против подмены выразительности языка словарной эпитетикой. Он боролся против эффектных словечек в обиходе современных писателей, разоблачая сбросом тех, кто в погоне за дешевой изысканностью делает свою речь просто непонятной.

Теоретические взгляды Горького подтверждались его собственной творческой практикой. Алексей Максимович, как автор пьесы из жизни «Лая», мог вполне естественно использовать в речах своих персонажей лексикон преступного мира. Но Горький в противоположность некоторым своим предшественникам и современникам от Крестовского до Свйского оставляет в пределах литературного языка. Этим языком говорит у него даже вор Пелеп. Купцы Горького не употребляют специальных «купецких» выражений, и действующим лицам из «Бора Булычева и др.» в этом отношении никак не уступает за героями хотя бы Лейкина. Легкий успех толпы корпоративности не прельщает писателя.

Не выходя из рамок общелитературного языка, Горький создает типичную, характерную, реалистическую достоверную речь. Стоит Звонкову из пьесы «Бора Булычева и др.» произнести одну фразу, и мы узнаем адвоката-кадет, будущего комиссара Временного Правительства. Его речь — подражание провинциально-дурным ораторам-кадетам с той же любовью к ответному политическому словарю и «великодушным» периодам и «блестательным» эпитетам.

Или возьмем речь другого персонажа незавершенной трагедии — пола Павлия. У него есть черты сходства с адвокатом Звонковым: оба говорят безостановочно, хотя и в различных ораторских жанрах. Особую стилистическую окраску речам Павлия придает церковно-славянские цитаты, а

главным образом своеобразные «книжные» выражения. Он не скажет: «мнение его неверно», а обязательно: «мнение его ниспровергается тем фактом»; для него слишком просто сказать: «пьяница», выразительней: «чрезмерно пристрастный к винопитию». Отсюда любовь к таким оборотам, как: «иде, сии и т. д.

Еще более ценным в речи персонажей горьковских пьес является умение писателя сочетать типическое с личным. Каждое действующее лицо его пьес — фабрикант или рабочий, — говорит своим, только ему присущим языком.

Перед нами три буржуа-эксплоататора: фабрикант Мих. Скроботов («Враги»), судовладелец Нестрашный и купец Губин («Достигаев и др.»). Всем им, vlastным, грубоватым, козловым, свойственным некоторым особенностям. Им все дозволено, и не удивительно, что они не стесняются в выражениях. Но брать их различия. Скроботов человек не без некоторого лоска культуры, и потому в ругани он не переходит известных границ. «Мерзавцы», «подлецы» — звучат чрезвычайно спокойно по сравнению с ассортиментом ругательств неостепенных купца из пьесы «Достигаев и др.», «собака», «хара», «сукин сын», «дермо».

Самый характер речи у каждого из этих героев свой. Скроботов говорит нервно, импульсивно, настойчиво. В нем чувствуется напор нервной воли и твердой решимости эксплуататора, борющегося за полноту «права» на угнетение. Речь Губина тоже отличается большой эмоциональностью, но эта эмоциональность совсем другого происхождения. Пьянствующий купец, самодур, он вечно находится в возбужденном состоянии. Отсюда пьяные скачки мысли, невнятные фразы, обилие бессмысленных восклицаний. И совсем острый-таки язык речи у мелкого, мрачного, несловесного Нестрашного.

Горький рисует свои сплетенческие образы обычно в их борьбе и становлении. На протяжении его пьес можно видеть, как меняются сами персонажи и как меняется их язык. В этом отношении любопытен образ Зах. Бардина («Враги»). Вначале он — мяткий, либеральный фабрикант, предпочитающий неопределенно-мечтательные фразы и вопросы вамен утверждениям.

Под конец, когда его компаньон убит и ему приходится снять личи-

ну, чтобы энергично руководить фабрикой и эксплуатировать рабочих, он меняет свой стиль, отбрасывает шелуху мечтательных слов и резко сокращает количество вопросительных предложений. Надо не спрашивать, а приказывать.

Особенно выразителен язык Вас. Достигаева. Любимый приспособленец, он является перед нами все время различным, в зависимости от своего окружения. Вот он в домашней обстановке, когда нечего стесняться, когда все — свои и нет необходимости хитрить. Он доверчиво груб; он называет дочь Антошкой, а жену — Лизкой. На миру, среди людей, среди классовых друзей, которых надо использовать, среди врагов, которых надо обмануть, речь Достигаева совершенно иная. Она становится осторожной, меткой, блестящей. Он рассыпает образцы локвой и колкой игры словами, острит и рифмостуствует. Его жена недаром сказала, что Достигаев «играет для того, чтобы всех обмануть». Он все время настороже: то он спрячется за коротким, неопределенным ответом, то, взамен ответа, сам поставит вопрос, то скажет загадочную фразу, в которой никто не разберется.

Весь о том, что в Петрограде образовалось новое рабочее правительство, заставляет Достигаева надеть новую маску, и он начинает разговаривать в новом стиле: «Ну, что же? Делы и правды наши на рабочих вышли, отцы с рабочими, почему же и мы не сумеем?». Достигаев приспособившийся. Ножку подставит, можно будет потом, «на крутом» по пути, на неведомой дороге.

Мастерство Горького это не мастерство вообще, не искусство «само по себе». Горький никогда не становится в позу «объективного» писателя, который с холодным безразличием изображает персонажей своих пьес. Он разоблачает и клеймит кадетское пустословие Звонкова; разнообразные, но одинаково омерзительные обличия хищников-козлов; эксплуататора, надевшего оловянную маску; ловкого приспособленца, всегда готового щеголять в наиболее удобной маске. И в то же время он озавет светом любви и преклонения строгий облик женщины, отдавшей свою жизнь борьбе за счастье угнетенных.

Любовью и ненавистью пронизано творчество великого писателя; любовь и ненависть выражает оно и нас.

Н. ПЛИСКО

Нафос труда

1.

Русская художественная литература XIX века занимала в общественном развитии России выдающееся место. Это понимали ее создатели и руководители. Великий в своем внимании к писателю Гоголю, получившему высокую оценку В. И. Ленина, объяснял это тем обстоятельством, что только в литературе переломные люди могли, несмотря на жестокие условия самодержавно-азиатской цензуры, выражать революционные и прогрессивные идеи.

Великие произведения критических реалистов — Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Толстого, литературная и политическая борьба революционных демократов-шестидесятников — Некрасова, Чернышевского, Добролюбова выдвинула русскую литературу этого периода на одно из первых мест в мире. Именно в письме к Паулю Эрнсту справедливо указывал на Россию, как на страну, которая переживает действительный расцвет литературы.

Всемирно-исторические победы революционного рабочего класса России, осуществившего социалистическую революцию, нынешние наследники в преисполнении высших достижений человечества, нашли свое выражение и в расцвете пролетарской социалистической культуры. Рабочий класс выдвинул человека, который всем своим творчеством завоевал право стать рядом с великими гениями литературы прошлого.

Таким человеком явился Максим Горький. По силе своего влияния на русскую литературу, — говорил тов. В. М. Молотов в день похорон великого писателя на Красной площади, — Горький стоит за такими гигантами, как Пушкин, Гоголь, Толстой, как лучшие продолжатели великих традиций в наше время. Влияние художественного слова Горького на судьбы нашей революции непосредственное и сильное, чем влияние какого-либо другого нашего писателя. Поэтому именно Горький и является подлинным родоначальником пролетарской, социалистической литературы в нашей стране и в глазах трудящихся всего мира.

Переломное человечество может гордиться тем, что русский рабочий класс выдвинул художника, которому удалось «столь великолепно связать века мировой культуры с революцией, с самой мощной из всех революций, колебавших землю». (Роман Роллан, «Памяти друга»).

Перед Горьким, пришедшим в мир чудовищной эксплуатации и жестокой чуждым насилием над человеком, стояли гигантские задачи. Нужно было не только усвоить и переработать великое наследие, но и заложить основы нового искусства, искусства социализма, искусства рабочего класса, искусства и духовных ценностей.

В уста Павла Власова, героя романа «Мать», А. М. Горький вложил ясное, пророческое слово, выражающее мечту и веру великого писателя. Борец за социализм, посвященный парижским опричникам на скамью подсудимых, Павел Власов говорил: «... Наша работа освобождает мир от призраков и чудовищ, рожденных нашей ложью, злобой и жадностью, чудовищ, выплывших из народа. Мы оторвали человека от жизни и разрушили его; социализм соединяет разрушенный мир в единое великое целое, и это — будет!» (Подчеркнуто — Н. П.).

Тридцать лет назад были написаны Горьким эти пророческие слова. Все без остатка физическое и моральное силы свои отдал он борьбе за социализм, за воплощение в жизнь слов Павла Власова «это — будет».

2.

Господствующий класс эксплуататорского общества относился к величайшему творчеству и выдающемуся труду, к человеку труда, в соответствии с этим отношением, пролилась эстетика эксплуататорского мира.

Основа эстетики А. М. Горького — труд человека. Отношение к труду как к активному началу, преобразующему мир, — основа всех творческих и историко-культурных и литературных взглядов Горького.

«Если бы я был критиком, — говорил со свойственной ему скромно-

стью А. М. Горький на торжественном заседании пленума Тбилисского совета 27 июня 1928 г. (см. «Литгазета» № 32, 1937 г.), — и писал книгу о Максиме Горьком, я бы сказал в ней, что сила, которая сделала Горького тем, что он есть, тем, каким он стоит перед вами, тем писателем, которого вы так превеличественно чтите, которого так любите, выходящего в том, товарищи, что он первый в русской литературе и может быть, первый в жизни вот так, лично, понявший величайшее значение труда, образующее все ценнейшее, все прекрасное, все великое в этом мире» (Подчеркнуто мной. — Н. П.).

Это убеждение Горького настолько велико, что он готов и свои литературные успехи объяснить только личным трудом. В изумительных по силе мажорности воспоминаниях о Леонаиде Андрееве Горький говорит: «Я знаю, что обязан успехами моими не столько природной талантливости, сколько умению работать, любви к труду» (М. Горький, «Литературно-критические статьи», Гослитиздат, 1937 г., стр. 224).

Естественно, что в центре горьковского творчества, как и всей социалистической литературы, стоит человек труда и борьбы, активно переделывающий и изменяющий мир. Таким образом в основу эстетических принципов А. М. Горького положено марксовское учение об активном отношении к миру — не только объяснять, но и переделывать мир.

В борьбе за утверждение социалистического реализма, в статьях о литературе, призывавших направить литературу Страны советов на разрешение стоящих перед ней исторических задач, А. М. Горький подробно развил эти положения.

«Мы должны усвоить, — говорил он в докладе на первом всесоюзном съезде советских писателей в 1934 году, — что именно труд масс является основным организатором культуры и создателем всех идей, — тех, которые на протяжении веков понимали решающее значение труда — источник наших знаний, и тех идей Маркса — Ленина — Сталина, которые в наше время воспитывают революционное правосознание пролетариата

всех стран и в нашей стране возводят труд на высоту силы, как служат основой творчества науки, искусства». Исходя из этих посылок, Горький выдвигал перед писателями Советского Союза и революционными писателями западноевропейских капиталистических стран задачу изображения человека труда.

«Основным героем наших книг, — говорил он, — мы должны избрать труд, т. е. человека, организующего процесс труда, который у нас вооружен всей мощью современной техники, человека, в свою очередь организующего труд более легким, продуктивным, возводя его на ступень искусства. Мы должны выучиться понимать труд как творчество».

Эти мысли проходили через все статьи Горького о литературе. Пролетарии, просящиеся в стране социализма, совершенно невиданным и не имеют прецедента в мировой истории. В борьбе за социализм рождаются не только новые социалистические отношения, но и новые люди с новыми мыслями и чувствами.

Величественные и гигантские задачи стоят перед литературой — отразить все это в волнующих и ярких художественных образах, отразить в замечательных романах, повестях и поэмах. «Не было еще такой эпохи, — говорил А. М. Горький в беседе с молодыми писателями, — когда искусство располагало бы таким разнообразным материалом, какой предлагает искусство материал нашей страны. Никогда еще литература не пользовалась такой широкой, свободной возможностью непосредственного общения с читателем, какая открыта пред нами в нашей стране».

М. Горький, «Литературно-критические статьи», Гослитиздат, 1937 г., стр. 649—650.

Очень хорошо сделал Гослитиздат, издавший на днях сборник литературно-критических статей М. Горького. Редактор и составитель включил в сборник статьи и дореволюционные. Таким образом сборник является «первым опытом собрания всеобщего значения горьковских статей по вопросам литературы».

Литературно-критические статьи, стр. 603.

3.

Но наша советская литература еще даже в минимальной степени не разрешает стоящих перед ней задач. Она беднее, нежели наша действительность.

На это обстоятельство неоднократно указывал А. М. Горький. Он являлся подлинным учителем и другом литераторов социалистической родины, он являлся советом социалистической литературы.

Критика Горького была всегда принципиальной, ибо он исходил из интересов социалистической литературы, из всего своего богатейшего творческого опыта, поставленного на службу социализму.

Сколько в нашей критике было запущено по поводу социалистического реализма. А между тем исчерпывающие формулировки, исходные понятия с гениальной силой и простотой были сформулированы А. М. Горьким.

«Социалистический реализм в литературе, — говорил А. М. Горький в беседе с молодыми писателями, — может явиться только как отражение ливневой трудовой практической фактов социалистического творчества. Может ли явиться такой реализм в нашей литературе? Не только может, но и должен, ибо факты революционно-социалистического творчества у нас уже есть, и количество их быстро растет. Мы живем и работаем в стране, где подвиги «стали, чести, героизма» становятся фактами настолько обычными, что многие из них уже не отмечаются даже прессой. Литература она не отмечается потому, что внимание литераторов направлено все еще по старому руслу критическому реализму, который естественно и оправданно «специализировался» на «отрицательных явлениях жизни».

Одно из требований литературы социалистического реализма Горький видел в том, чтобы писатель умел заглянуть в будущее.

Это требование находилось в полном соответствии с реальной жизнью социалистического мира. Ибо без романтики, основанной на реальном знании действительности, законов жизни, путей ее развития нельзя было Стаханову и Демченко добиться сво-

их производственных рекордов, а Шмиду, Володянову, Паппину, Кренкелю и другим лететь на Северный полюс, Чугакову, Байдукову, Белякову, Громуку, Давыдову, Юмашеву и другим лететь без посадки через полюс из СССР в Америку. Нужно подходить к любому труду как к творчеству, и тогда результаты будут таковы, какими они бывают у лучших, знающих людей нашей страны.

Со всей силой своей могучей страсти Горький обрушивался на тех литераторов, которые подходят к разрешению своих задач равнодушно.

Писатели, рассчитывающие «выжать» лишь на литературных навыках, приобретенных ремесленническим путем, будут отвергнуты читателем и забыты. Вот почему дискуссия о формах Горького приняла очень горячую.

«Формализм как «манера», как «литературный прием», чаще всего служит для прикрытия пустоты или нищеты души. Человеку хочется говорить с людьми, но сказать ему ничего, и утомительно, многословно, хотя иногда и красивыми, ловко подобранными словами, он говорит об всем, что видит, но чего не может, не хочет или боится сказать. Формализм часто является прикрытием «упорного, враждебного» отношения к действительности. Так писал Горький о формализме.

Горький прошел тяжелый жизненный путь, борясь за существование, испытывая на себе все «прекраснейшие» калиталистической эксплуатации, царского азиатского варварства. Он ненавидел все темные силы старого, расского буржуазного мира, и всеми доступными ему средствами вел с ним борьбу. Он призывал трудящихся к разоблачению и уничтожению вредителей, шпионов, диверсантов. «Если враг не сдается, его уничтожить. Он настолько советова советским литераторам показывать врага в художественной литературе, раскрывать его злобу и грязные приемы, вызвать художественным разоблачением сыпящую ненависть и гнев к тем, кто намеревается отнять добытое в кровавой борьбе счастье трудящихся.

Он говорил о том, что в самую среднюю литературу пролезает враг и что нужно уметь их разоблачать; в ряде статей показывал он те болезни литературной среды, пользуясь которыми враг делает свое гнусное и предательское дело.

4.

Перечитывая сегодня статьи Горького о литературе, начиная с «Замечаний о мещанстве», опубликованных Горьким в 1905 году в газете «Новая жизнь», кончая стенограммой выступления на мартовском пленуме совета советских писателей в 1935 году, поражаешься этой удивительной последовательности в литературных взглядах Горького, развивавшихся вместе с ростом рабочего класса, с развитием его борьбы. Горький, как никто из литераторов, умел поднимать каждое свое литературное и публицистическое выступление конкретными задачами борьбы рабочего класса.

Замечательное мастерство гениального художника сочетается в его статьях со строгостью бойца-публициста и чутким научительным тонком литературного критика.

Литературные портреты — воспоминания об А. П. Чехове, Каролене Петропавловском, Льве Толстом, Корнелии, Гарине-Михайловском, Сергее Бессине — работы, не превзойденные по тонкости анализа литературного творчества этих писателей, раскрываемого с гениальной силой.

Эти очерки о встречах с писателями помогают понять в самых глубинных истоках характер их творчества. Но к оценке каждого из них Горький подходит с теми эстетическими принципами, которые сложились у него, как у художника пролетариата.

В Чехове он видит человека, который с большой силой понимает значение труда как основания культуры. С Леонидом Андреевым Горький расходится во взглядах и в конце концов разрывает с ним именно потому, что Леонид Андреев представляет себе человека духовно нищим, а человеческую массу считает живой и враждебной.

Детали житейской обстановки писателя, замеченные Горьким и всегда раскрытые с самой неослабленной стороны, настолько типичны, что каждая из них помогает раскрыть особенности и значение творчества писателя.

Горьковские принципы и указания в очень многом не претерпели еще в нашу литературную жизнь. Его заветы остаются для нас путеводной звездой. И чем полнее будет освоено его наследие, его опыт руководства, организатора, критика, — тем успешнее будет расти советская литература, тем значительнее она будет и на международной арене.

И. СЕРОВ

О вредной книге и о пользе пересмотра книжных полок

Пересматривая библиотечные полки, иногда наткнешься на книгу, издавшуюся несколько лет назад и скопленную как-то незаметно, без шума и обсуждения. Начинаешь ее перечитывать, и диву даешься: как могло случиться, что она могла быть издана и даже переиздана, как провозглашено, что она осталась незамеченной (впрочем, быть может, о ней была и рецензия, и даже положительные). И вот стоит она на полках библиотек и попадает в руки читателей. А по существу своему книга эта плохая, в библиотеке ей не место, издавать ее нельзя, политически вредно.

Одно из таких произведений, лежащее перед нами, — роман Ник. Брыкина «Стальной Маман». Выпущен этот роман в свет Ленинградским областным издательством в 1934 году, изданием вторым, исправленным и дополненным, и снабжен портретом скромного автора. Раскрываешь книгу и читаешь.

Из предисловия мы узнаем, что Ник. Брыкин, будучи на Кубани в 1932 году, получил от председателя кекутского совета свертков бумаг, оставшихся от застреленного белогвардейца. Среди этих бумаг — дневник. Белогвардеец полковник Ладога, скрыв свое прошлое, служил, оказывается, счетоводом в течение пяти лет в кооперативе, а затем главным бухгалтером машинно-тракторной станции.

Допустим, что все это сущая правда и что дневник подлинный. Тогда возникает вопрос: к чему же издавать его в виде романа «Стальной Маман», да еще под фамилией Ник. Брыкина, который не является ли автором? К чему вообще издавать их, чем они столь примечательны?

Быть может, из этих дневников можно почерпнуть какие-то сведения, фамилии кулаков, белогвардейцев, их планы, указания на гнезда, где скрываются враги? Тогда не проще ли передать все эти материалы следственным органам?

Впрочем, не будем наивными и не станем задавать подобных вопросов. Ник. Брыкин не совершил платяная и не поливал чужие дневники своей фамилией. Никаких важных сведений в них не содержится. Как и в десятках подобных случаев, оказывается, что перед нами «некларная история», что мы имеем дело с литературным приемом. Ник. Брыкин придумал эти дневники как форму для своего романа.

Но тогда возникает другой вопрос. Зачем же понадобилось это прием? Для чего потребовалось представлять слово в печати полковнику драгунского полка, офицеру Ладоге, отъявленному белогвардейцу? Что хотел достигнуть автор, разрешая врагу на трехстах страницах рассказывать о своем прошлом, о своем прошлом, о своем прошлом?

Из чтения романа выясняется, что Ник. Брыкин стремился показать главному белогвардейцу колхозное строительство на Кубани, показать классовую борьбу, показать победу колхозного строя.

Не правда ли, довольно странный замысел! Неужели нельзя было выложить вальду? Или изображать борьбу за социализм — нормально, так сказать, способом, не прибегая к сомнительной помощи дневников бывшего белогодрова?

Посмотрим, к чему привела оригинальничавшего автора эта сомнительная помощь. Прежде всего, ведь рассказчик, автор должен был показывать кошку кошкой. Noblesse oblige! И вот читатель вынужден прочесть восторженное восхваление денкинского приказа о наступлении на Москву и превознесение самого Денкина. Далее, полковнику Ладоге услужливый автор предоставляет место для отравительного наветательства над словами Ленина о том, что каждая кулачка должна научиться управлять государством. Далее, мы находим олобленную ругань по адресу красных партизан. Время от времени полковник Ладога цитирует в своих дневниках отрывки из произведений классиков литературы, чтобы доказать политическую верность.

Одним словом, желая, чтобы читатель не забывал, что перед ним дневник врага, Ник. Брыкин то и дело предоставляет трибуну для белогвардейских нападений, то для клеветы на большевиков, то для скорби по поводу голодной смерти мерица на измученного генерала Дроздовского и т. д. и т. д. И все это, очевидно, для большего правдоподобия.

Одних этих многочисленных злодеев было бы уже совершенно достаточно, чтобы признать издание романа Н. Брыкина грубой политической ошибкой. Но этого еще мало.

Каким предстает перед нами этот белогвардейский полковник, этот отъявленный враг, Ладога? Что он делает, как он ведет, какие приемы пускает он в ход против советской власти, против коммунистов, против коллективизации, против машинно-тракторной станции? Может быть, мы найдем в романе раскрытие приемов борьбы классового врага, способов его вредительства, его вражеской агитации, увидим, как прячется враг под личиной мирного гражданина? Может быть, книга учит бдительности?

Ничуть не бывало. Полковник Ладога на поверку оказывается не доверительным кротким существом. Он, видите ли, «наивный мечтатель». Он выдумывает то, что жлет и держит «огни на багнет» в порядке, сиречь, ведет дневник, где называет свою душу и, больше ничего не делая, плохого.

Даже наоборот. Уже на предисловии мы узнаем, что Ладога, будучи счетоводом, «сарафанничал себя с самой лучшей стороны: был исполнительным, трудолюбивым».

Далее выясняется, что он хорошо проинструктирован бригадиром и научил их, как вести учет проделанной работы, расхода горючего и т. д. Пейзажистом человек этот белогвардейский полковник. Правда, он пишет какие-то там грязные дневники. Но кому это мешает, если тихие белогвардейские дитя марает бумагу? И к тому же этот исполнительный и трудолюбивый полковник скромно кончает самоубийством как раз тогда, когда Ник. Брыкин перестает нуждаться в его услугах для продолжения романа и изображения успехов колхозного строя.

Единственный только раз Ладога совершил проступок: он напечатал на пишущей машинке двадцать экземпляров контрреволюционного воззвания и ночью разбросал их по полям. Но он быстро исправил свой грех.

В ту же ночь он обрал и припрятал экземпляры своего произведения. Нехвально только двух листов, но их нет устал ветер, нет содрал и уничтожил козел по кличке «Врангель». Так или иначе, на этом и закончились попытки полковника Ладоги вести контрреволюционную работу.

А сколько соблазнов выдвигал перед ним Ник. Брыкин, сколько великодушных возможностей он ему предоставлял. Тут и кулацкий саботаж, и попытки контрреволюционных выступлений кулаков, и факты, свидетельствующие о действиях вражеской организации, о существовании которой догадывается Ладога, не пытаясь, однако, ее раскрыть и не стремясь к ней примкнуть.

Мало того, на триста двадцати страницах Ладога, забравшись в родные места, встречается с разоблаченным и бывшим сотником Синицей, который, по словам крупного белогвардейца, не девять человек, организует кулацкие выступления, обстреливает трактористов и т. д. Но и здесь, кровопийца лишь в своих дневниках, Ладога остается твердым, как алмаз. Отдавая дань совместным возмущениям о прошлой борьбе против советской власти, Ладога благородно отвергает предложение Синицы заставить руку в кассу машинно-тракторной станции и снабдить деньгами кулацкую банду. Ладога не может пойти на такое предложение, он дает Синице тридцать рублей из своих собственных денег. Редкий случай белогвардейца, существующий, правда, только в глубокой оппортунистическом воображении Ник. Брыкина.

Совершенно очевидно, что роман Ник. Брыкина не только неспособен воспитывать бдительность, а наоборот, он старательно ее усыпляет, он изображает закоренелого белогвардейца, злодеев, вешал и карателя, кроткой овечкой, бездельным мечтателем и кулаком в кармане.

Мало и этого. Ник. Брыкин заставляет Ладогу по восточному разбирать и опровергать написанное им контрреволюционное воззвание. Он заставляет его восхвалиться самоотверженностью на рабочем агроном Карчевским. Полковник Ладога, ругаясь и злобуя на одних страницах, подробно записывает на других сцене и факты, агитирующие за коллективизацию. Все спутано в этом бесконечном расхождении дневника.

Всего сказанного совершенно достаточно, чтобы доказать политическую вредность романа Ник. Брыкина. Предоставление трибуны для белогвардейских нападений и клевет, изображение белого офицера контрреволюционным только в своем дневнике и мирным гражданином в практической деятельности — где еще можно найти что-либо подобное? И после этого уже совсем не к чему углубляться в анализ романа. А в книге найдется еще много и много необразованной ерунды. Но все это пустяки, о которых не стоит говорить, по сравнению с существом романа.

Ему не должно быть места на полке советского читателя.

А кроме того надо сделать вывод: наши критики и библиотечники должны внимательно пересмотреть книжные полки и позаботиться об их очищении от произведений, в свое время не раскрытых или не признанных вредными воздействием на массового читателя.

А кроме того надо сделать вывод: наши критики и библиотечники должны внимательно пересмотреть книжные полки и позаботиться об их очищении от произведений, в свое время не раскрытых или не признанных вредными воздействием на массового читателя.

А кроме того надо сделать вывод: наши критики и библиотечники должны внимательно пересмотреть книжные полки и позаботиться об их очищении от произведений, в свое время не раскрытых или не признанных вредными воздействием на массового читателя.

А кроме того надо сделать вывод: наши критики и библиотечники должны внимательно пересмотреть книжные полки и позаботиться об их очищении от произведений, в свое время не раскрытых или не признанных вредными воздействием на массового читателя.

А кроме того надо сделать вывод: наши критики и библиотечники должны внимательно пересмотреть книжные полки и позаботиться об их очищении от произведений, в свое время не раскрытых или не признанных вредными воздействием на массового читателя.

А кроме того надо сделать вывод: наши критики и библиотечники должны внимательно пересмотреть книжные полки и позаботиться об их очищении от произведений, в свое время не раскрытых или не признанных вредными воздействием на массового читателя.

А кроме того надо сделать вывод: наши критики и библиотечники должны внимательно пересмотреть книжные полки и позаботиться об их очищении от произведений, в свое время не раскрытых или не признанных вредными воздействием на массового читателя.

А кроме того надо сделать вывод: наши критики и библиотечники должны внимательно пересмотреть книжные полки и позаботиться об их очищении от произведений, в свое время не раскрытых или не признанных вредными воздействием на массового читателя.

А кроме того надо сделать вывод: наши критики и библиотечники должны внимательно пересмотреть книжные полки и позаботиться об их очищении от произведений, в свое время не раскрытых или не признанных вредными воздействием на массового читателя.

А кроме того надо сделать вывод: наши критики и библиотечники должны внимательно пересмотреть книжные полки и позаботиться об их очищении от произведений, в свое время не раскрытых или не признанных вредными воздействием на массового читателя.

А кроме того надо сделать вывод: наши критики и библиотечники должны внимательно пересмотреть книжные полки и позаботиться об их очищении от произведений, в свое время не раскрытых или не признанных вредными воздействием на массового читателя.

А кроме того надо сделать вывод: наши критики и библиотечники должны внимательно пересмотреть книжные полки и позаботиться об их очищении от произведений, в свое время не раскрытых или не признанных вредными воздействием на массового читателя.

А кроме того надо сделать вывод: наши критики и библиотечники должны внимательно пересмотреть книжные полки и позаботиться об их очищении от произведений, в свое время не раскрытых или не признанных вредными воздействием на массового читателя.

А кроме того надо сделать вывод: наши критики и библиотечники должны внимательно пересмотреть книжные полки и позаботиться об их очищении от произведений, в свое время не раскрытых или не признанных вредными воздействием на массового читателя.

А кроме того надо сделать вывод: наши критики и библиотечники должны внимательно пересмотреть книжные полки и позаботиться об их очищении от произведений, в свое время не раскрытых или не признанных вредными воздействием на массового читателя.

А кроме того надо сделать вывод: наши критики и библиотечники должны внимательно пересмотреть книжные полки и позаботиться об их очищении от произведений, в свое время не раскрытых или не признанных вредными воздействием на массового читателя.

А кроме того надо сделать вывод: наши критики и библиотечники должны внимательно пересмотреть книжные полки и позаботиться об их очищении от произведений, в свое время не раскрытых или не признанных вредными воздействием на массового читателя.

А кроме того надо сделать вывод: наши критики и библиотечники должны внимательно пересмотреть книжные полки и позаботиться об их очищении от произведений, в свое время не раскрытых или не признанных вредными воздействием на массового читателя.

А кроме того надо сделать вывод: наши критики и библиотечники должны внимательно пересмотреть книжные полки и позаботиться об их очищении от произведений, в свое время не раскрытых или не признанных вредными воздействием на массового читателя.

Детиздат ЦК ВЛКСМ издаст повесть С. Мстиславского о Н. Э. Баумане «Греч — птица весенняя» с иллюстрациями А. Ермолова.

П. НЕЗНАМОВ

Стихи Михалкова

Когда хотят похвалить детского писателя, его обычно сравнивают с Ладом, или Ладом писателем для взрослых.

И напрасно. Деятельность того и другого совершенно разная. Она лишь проходит на разных участках советской литературы.

Такие писатели, как Маршак, Чуковский, Квитко имеют колоссальную аудиторию, миллионы читателей. И причина их успеха не только в талантливости, но и в правильно найденном отношении между писателем и детьми, между писателем и действительностью.

Сергей Михалков еще только входит в группу популярных писателей, но малыши безошибочно детским чутьем уже почувствовали в нем нечто близкое к себе.

«От Арктики до Арктики», как сказал однажды о детских аудиториях К. Чуковский, — малыши интересуются его гиперболическими приключениями «Дяди Степы», и, весело смеясь, читают друг другу про его подвиги.

Ритм стихов Михалкова подчас еще однообразен, особенно там, где он пишет восьмистишиями; отдавая дань колдовской песенке («Светлана», «Итальянская песенка»), поэт создает поэзию, несколько заунывную строкой, но и здесь обычно прорывается живая разговорная интонация.

На берегах ситя синицы, А во ржи перелесла, Почему тебе не снится, Ты же сонная лебедь?

Большинство его стихов легко запоминается, потому что легко входит в детское сознание. Чем дальше, тем в его произведениях появляются все больше событий и происшествий. Его путь — от колдовского и мечтательного к действительному. Последние его стихи, это — приращение к действительности, они обращаются к детской энергии.

Легкость восприятия стихов Михалкова усиливается еще и тем, что он создает зрительные и предметные образы.

В детскую литературу, еще недавно до края переполненную стихами о животных, вплоть до плюшевых, он внес множество разнообразных объектов. Он попытался продвинуть в литературу ряд новых тем.

Конечно, он не проходит и мимо животных, но это не единственные его темы.

С. Михалков, Горький, Детиздат, М. 1937 г., 2 р. 25 к.

С. Михалков, Товарищи, Детиздат, М. 1937 г., 35 к.

С. Михалков, Стихи, Журнал, М. 1936 г., 20 к.

С. Михалков, Стихи, Журнал, М. 1936 г., 20 к.

С. Михалков, Стихи, Журнал, М. 1936 г., 20 к.

С. Михалков, Стихи, Журнал, М. 1936 г., 20 к.

С. Михалков, Стихи, Журнал, М. 1936 г., 20 к.

С. Михалков, Стихи, Журнал, М. 1936 г., 20 к.

С. Михалков, Стихи, Журнал, М. 1936 г., 20 к.

С. Михалков, Стихи, Журнал, М. 1936 г., 20 к.

С. Михалков, Стихи, Журнал, М. 1936 г., 20 к.

С. Михалков, Стихи, Журнал, М. 1936 г., 20 к.

герон. И кроме того, в этих стихах у Михалкова много действия, и животные у него совершают поступки, а не даны лишь описательно.

Ситуации, которые возникают в стихах Михалкова, вводят детей в круг вопросов, которыми живет страна. В этом отношении особенно показательно его стихотворение: «А что у вас?»

Хорошо известны детский фольклор и детские споры-игры, автор с первых выморщических живописует:

А у нас в квартире кошка Родила вчера котят, Котят выростила немножко, А есть на блюдце не хотят.

А потом, пользуясь той же шуточной формой, говорит о более значимых вещах:

А у нас огонь погас, Это рас! Грузовик привез дрова, Это да! А в четвертый наша мама Отправляется в помет, Потому что наша мама Называется пилот!

Продолжая в этом же шуточном тоне, автор живописует спор так: С лесенки ответил Бова: — Мама — летчик? Что ж такого? Вот у Коли, например, Мама миллионер! А у Толи и у Вери Оке нами — инженер! А у Лены мама-повар! Мама — летчик, Что ж такого?

Совершенно незаметно, под веселый смех и шутку, Михалков вводит ребят на территорию серьезной темы.

Столь же занятно, весело и незаметно в своем «Дяде Степе» рассказывает Михалков о мужестве и героических поступках наших людей. Герой Михалкова спасает поезд от крушения, помогает на пожаре, наконец, оказывает различные услуги детям, — и все это он говорит с учетом детской психологии и особенностей детского развития.

Забавно играя на смешных особенностях своего героя, Михалков заставляет читателей сперва узнать этого героя, потом познакомиться с его физическими свойствами, потом полюбить и брать с него пример. Так гиперболический-сказочный герой становится носителем правды.

Образ дяди Степы как бы отвечает требованиям А. М. Горького о детской книге.

Горький писал: «Наша книга должна быть не дидактической, но грубо тенденциозной. Она должна говорить языком образов, должна быть художественной. Нам нужна и веселая, забавная книга, развивающая в ребенке чувство юмора. Надо создать новые выморщические персонажи, которые явились бы героями целых серий книг для детей».

Именно таким «выморщическим персонажем» и является «Дядя Степа» Михалкова. Но для того, чтобы он стал «героем целых серий», надо еще много и основательно поработать поэту.

Менее сильны его стихи об Испании, тоже написанные для детей, но они все же подкупают своей эмоциональностью, простотой и оптимизмом.

Горький о религии

Издательством «Молодая гвардия» подготовлена к печати книга «Горький о религии».

В ней собраны статьи, высказывания и афоризмы великого писателя о религии.

В литературном разделе книги даны отрывки из «Фомы Гордеева».

Антирелигиозная библиотека

Издательство «Молодая гвардия» решило выпустить библиотечную художественной антирелигиозной литературы для массового читателя.

В библиотечку войдут рассказы и отрывки из романов классиков и современных писателей.

В этом году должно быть издано 20 книжек.

Уже подготовлены и оданы в производство небольшие рассказы А. П. Чехова, Подъячева, А. Неверова, М. Лопатина, Г. Успенского, Д. Лондона, отрывок из романа «Воскресение» Л. Толстого и отдельные новеллы Боккаччо.

Книжки этой серии будут обходить 1—2 печатных листа. Тираж — 50—100 тысяч экземпляров. Цена каждой книжки не будет превышать 25—50 копеек.

Детиздат ЦК ВЛКСМ издаст повесть С. Мстиславского о Н. Э. Баумане «Греч — птица весенняя» с иллюстрациями А. Ермолова.

ВМЕСТО ОБЗОРА ПЕЧАТИ

Разговор с писателем Бабелем

Писатель Илья Бабель неожиданно подвергся нападению. Это случилось в шумной и многолюдной редакции «Крестьянской газеты», в самом разгаре делового дня. Бабель пришел туда переговорить с редактором. Доверчиво подошел он к справочному бюро.

— Пропуск бы мне к товарищу редактору. Молодая девушка подняла голову и внимательно оглядела посетителя. Его скромный вид, очки и, как она решила, серьезная лысина, внушили доверие. Можно было бы сразу выпустить его пропуск. Но девушка была педантична в выполнении своих обязанностей.

— Ваш документ, — сухо потребовала она. Писатель протянул ей одно из своих удостоверений.

— Бабель! — о удивлении прочла она. Эта фамилия была ей хорошо знакома. Его рассказы еще несколько лет назад она прочла с увлечением. Потом много раз спрашивала в библиотеках, нет ли новых его книг. Но новых вещей не было, переиздавались только старые. Не пишет, что ли? — думала она.

И вот судьба привела к ее очечку самого Бабеля. Он стоит перед ней, потеряв очки и терзаемый жет пропуск.

Девушка отложила удостоверение в сторону и решительным вопросом: — Так вы и есть писатель Бабель? Бабель утвердительно кивнул головой.

— Так почему же вы не пишете? — внезапно обрушилась на него девушка. — Где ваши новые книги? Почему вы не работаете? Не ожидая такого напора писатель смущенно молчал. Но девушка не унималась.

— Писатель вы не плохой, и читатели вас любят. Нельзя же так в наше время... Бабель много раз приходилось высказывать подобные вопросы и

упреки. И он давно уже научился искусно их парировать. Но одно дело, когда о подобных вопросах обращаются писатели, критики, издатели, упрекающие его от имени читательской массы. И совсем иное дело, когда об этом говорит сам читатель, непредрешенный, неусвоенный в литературных спорах.

Упрек, брошенный писателю случайно встреченной им девушкой из бюро пропусков, возмущал его гораздо сильнее, чем многие статьи в журналах и газетах. И он серьезно и искренно обещал ей выпустить в скором времени книгу новых рассказов.

Но ограничиваясь устным обещанием, он прислал ей следующие письмо:

Сорова тов.Новикова! Своим свое я сержу. И проехать не придется. Для честного литератора нет проверки строго и мучительнее, чем его совесть и живущее в нем чувство прекосного.

В нас не затихает ни на минуту жажда творчества. И, по правде говоря, я часто сознательно подавлял ее в себе, потому что не чувствовал себя достаточно подготовленным к тому, чтобы писать о истинной простоте, о страстном чувством, о немем о ограниченной правдивости, т. е. не чувствовал себя подготовленным к тому, чтобы писать художественно. Теперь сердце мое говорит: подготовительный этот период кончается. Пожалуйста, когда прочтете мои рассказы, скажите ваше мнение о них.

Газета «Натиск» — многотиражная «Крестьянской газеты» — хорошо сделала, что напечатала разговор Новиковой с Бабелем и его письмо к ней. Мы охотно перепечатаем это письмо на страницах нашей газеты, чтобы советские читатели знали об обязанности, принятом на себя Бабелем.

Июньская книга «Нового мира»

Выходит, наконец, шестой, июньский номер «Нового мира».

В журнале продолжение романа «Евгения» Г. Галкина (начало третьей части), повесть Л. Соколовского «На тапша», малоизвестный рассказ М. Горького, рассказ П. Нилина «Матвей Кузнецкий».

В номере появляются главы из поэмы «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели в переводе П. Петренко, при участии и под редакцией К. Чинидава.

В разделе «За рубежом» печатается

книга очерков и зарисовок американского либерального журналиста Максин Дэвис об американской молодежи. Книга называется «Потерянное поколение». В ней Дэвис приводит множество фактов, показывающих, как живет современная молодежь США.

В шестой книжке «Нового Мира» читатель найдет еще большую редакционную статью «За большевистской бдительностью в литературе».

В разделе «За рубежом» печатается

книга очерков и зарисовок американского либерального журналиста Максин Дэвис об американской молодежи. Книга называется «Потерянное поколение». В ней Дэвис приводит множество фактов, показывающих, как живет современная молодежь США.

В шестой книжке «Нового Мира» читатель найдет еще большую редакционную статью «За большевистской бдительностью в литературе».

В разделе «За рубежом» печатается

книга очерков и зарисовок американского либерального журналиста Максин Дэвис об американской молодежи. Книга называется «Потерянное поколение». В ней Дэвис приводит множество фактов, показывающих, как живет современная молодежь США.

В шестой книжке «Нового Мира» читатель найдет еще большую редакционную статью «За большевистской бдительностью в литературе».

В разделе «За рубежом» печатается

книга очерков и зарисовок американского либерального журналиста Максин Дэвис об американской молодежи. Книга называется «Потерянное поколение». В ней Дэвис приводит множество фактов, показывающих, как живет современная молодежь США.

В шестой книжке «Нового Мира» читатель найдет еще большую редакционную статью «За большевистской бдительностью в литературе».

Рассказами рабочих о Ленине, записанными в Московской и Ленинградской областях, на далеком Алтае заканчивается отдел современной советской художественной литературы.

Трогательные и поучительные письма А. М. Горького к писателям И. Касаткину. В каждой строке чувствуется заботливая рука учителя и друга советских писателей.

В разделе «За рубежом» печатается

книга очерков и зарисовок американского либерального журналиста Максин Дэвис об американской молодежи. Книга называется «Потерянное поколение». В ней Дэвис приводит множество фактов, показывающих, как живет современная молодежь США.

В шестой книжке «Нового Мира» читатель найдет еще большую редакционную статью «За большевистской бдительностью в литературе».

В разделе «За рубежом» печатается

книга очерков и зарисовок американского либерального журналиста Максин Дэвис об американской молодежи. Книга называется «Потерянное поколение». В ней Дэвис приводит множество фактов, показывающих, как живет современная молодежь США.

В шестой книжке «Нового Мира» читатель найдет еще большую редакционную статью «За большевистской бдительностью в литературе».

В разделе «За рубежом» печатается

книга очерков и зарисовок американского либерального журналиста Максин Дэвис об американской молодежи. Книга называется «Потерянное поколение». В ней Дэвис приводит множество фактов, показывающих, как живет современная молодежь США.

В шестой книжке «Нового Мира» читатель найдет еще большую редакционную статью «За большевистской бдительностью в литературе».

В разделе «За рубежом» печатается

книга очерков и зарисовок американского либерального журналиста Максин Дэвис об американской молодежи. Книга называется «Потерянное поколение». В ней Дэвис приводит множество фактов, показывающих, как живет

Трибуна читателя

ОБЫВАТЕЛЬСКАЯ ПОШЛОСТЬ

Давно уже не появлялись рассказы П. Романова в журналах. Но вот журнал «Октябрь» печатает в № 7 рассказ П. Романова «Интеллигент».

Рассказ небольшой, каких-нибудь полторы странички, но сколько в нем обывательского, желчного брюзжания.

На подмосковного санатория в автомобиле возвращаются мужчина и женщина. Завязывается беседа. Мужчина явно не по душе советская интеллигенция. По его мнению, она хилая, хлопкая, беспомощная, в ее жилах течет какая-то жидкая кровь. Спутницу свою, по виду, он причисляет именно к этой категории и относит к ней прощически, явно нелюбительно. К тому же спутница увлекается чтением книг, а это, по его мнению, один из «грехов» гнилой интеллигенции.

Но кто же он, этот разоблачитель вушности интеллигенции? Он пролетарий суровой школы жизни, тяжелый труд.

Был кутюном мальчишкой, служил кучером у помещика, а теперь вот — инженер транспорта.

— Да ведь это типичный советский интеллигент, — скажет читатель. — В чем же дело? Чем он недоволен? Почему он самобичеванием занимается? Оставим это на совести автора, — не в этом суть.

Оказывается, и спутница противоречивого инженера не из «белой кости». Она «девчонкой гусей стерегла, в потом в овсях коров выжидала, в это... орден дала и послала в институт общественного питания учиться».

Недоразумение выяснено. Тема безвредна. К тому же произошла авария с машиной. Может быть, автор здесь и точку поставит, тем более, что он своим художественным талантом уже успел утомить читателя?

— Тот же человек был! — проговорил он, видимо любящий мертвецов.
— Да, попался бы ему, спуска бы не дал! — ответил один из пассажиров.

Рис. академика Е. Е. Лансере

Издательство «Academia» готовит к печати «Казаки» Л. Н. Толстого с иллюстрациями академика Е. Е. Лансере.

Н. ДМИТРИЕВ

Труды и дни издательства «Академия»

Несколько лет назад в издательство «Academia» подвизалось немало троцкистских выродков. Покровительствуемые обер-банком Кименевым, ни чувствовали себя здесь в безопасности.

В «Academia» опять пролезли люди, которые стали культивировать себя, поднимались, поднимались, принимали круговую поруку, всячески закрывать критику и самокритику. В их числе — бывший главный редактор издательства Л. Полонский.

Общаясь с партией и опасаясь разоблачения, она окружала себя в издательстве «своими» людьми.

Под ее крылышком подвизался в качестве старшего редактора сектора русской литературы бездарный и малограмотный проходивец И. Рубановский.

Не страдал излишней скромностью, он забрал в свой руки редактирование почти всех книг, выпускаемых этим сектором. Благо порой и трудиться не приходилось. Еще до прихода Рубановского в издательство «Academia» были подготовлены к изданию три тома Пушкина. Рубановский, даже не просмотрев рукописей,

подписал их к печати. За эту коротенькую надпись: «к печати» ему, по распоряжению Полонского, уплатили довольно крупную сумму.

Заместителем заведующего сектором оформления в издательстве числился Орловка.

Она не художник. Она не полиграфист. Она даже не обладает элементарными знаниями издательского дела. Заказывая художнику иллюстрации, Орловка не может указать формат издания. Художник Белов из-за технической неграмотности отказывался вверять вести с ней переговоры. Однако Полонский всячески поддерживал Орловку.

В своем обиходе Орловка беззастенчиво рекламировала «добродетели» главного редактора, лебезила и поднимала перед начальством. Но ее индигация общее собрание сотрудников, посвященное 19-й годовщине Великой Пролетарской революции, послало принятую в редакцию телеграмму находившемуся в Москве Полонскому.

На должность заместителя директора издательства по административно-хозяйственной части Полонский устроил В. Фейнгу. Что делает Фейнгу на этом посту — трудно сказать. В ядре он ездил в Ленинград для того, чтобы ускорить выпуск X тома собрания сочинений Гейне и VII тома Шиллера. Фейнгу «блестяще» выполнял это задание. По плану десяти том Гейне должен был выйти типографией в августе, а седь-

мой том Шиллера — в июле. Теперь, после деятельного вмешательства Фейнги, типография получила право выпустить оба тома в двадцатых числах сентября.

Полонская потакала и управделами Коромислову — жулику, авантюристу, обожавшему с издательскими деньгами.

В тесном контакте с Полонской работал ее помощник, студент Литинститута В. Глубинский. Ему было отдано на откуп специальное редактирование ряда изданий. Совершенно не зная иностранных языков, «еще» Глубинский редактирует Шекспира, Набона и других писателей.

Полонская — главный редактор издательства! Но как ни странно, она невежественна и безграмотна. Она обвинила... А. Франса в контрреволюции и задержала выход четвертого тома его сочинения. Она обвинила... П. Мериме в клевете на советскую женщину и потребовала снять эпиграф к его повести «Кармен».

На издание полного собрания сочинения А. С. Пушкина «Academia» заключила договор с бригадой пушкинцев (Томашевский, Бонин, Цитковский и др.). А несколько дней спустя с некоторыми из этих же авторов были заключены договоры на издание отдельных сказок А. С. Пушкина. Та-

А. КОТЛЯР

Беззастенчивая реклама

Проблема новеллы, маленького рассказа в советской литературе, несомненно, достаточно актуальна. Неладно за последние годы был объявлен ряд конкурсов на маленькие рассказы; заметных результатов, к сожалению, эти конкурсы не дали. И вот, оказывается, проблему эту удалось разрешить издательству «Советский писатель».

Оно обрело, по его мнению, в лице Н. Кауричева наследника Мопса, Чехова, Мериме и других мастеров новеллы в мировой литературе. На общественном обсуждении книжки Н. Кауричева «Полные воды» сам автор и его редактор издательства «Советский писатель» говорили об этой книжке как об образце искусства маленького рассказа.

Что же представляет собой эта книжка? Вот, например, рассказ «Мама». Некий учитель долго, безнадёжно любит крестьянку Машу. Учитель какой-то допотопный, точно извеченный на стареньком журнале «Нива».

«На селе трубит в рог приятель охотник, и заливается заводными собачки. Завтра на охоту». Учитель прохаживает по усадьбе. На площадке школьники играют в городки. Ему подадут палку, и он ловким ударом выбивает из круга сразу целую фигуру. Ребята прыгают и визжат. Потом они гурьбой бегут в школу, и уроки пролетают так быстро, что ни школьникам, ни учителю не хочется уходить из класса. Трубит рог, пролетают уроки, а потом автор спохватывается и решает отметить время действия. Переходит к нам в бригады, — кричит учитель, — кто из колхозников? Так отлагая в рассказе время, а дальше все это заканчивается «лирикой». «Ночам, ветрам, поклонам и туманам не будет конца. И среди неспящих ночей в деревенском домике вспыхнет огонек лампы и улыбнется человеческой силе, доброте и счастью жить и работать». Этот, написанный весьма старым слогом рассказ, как видим, просто бессодержателен. Трудно понять, что к чему и для чего!

Следующий рассказ — «Сын». Герой случайно встречает мальчишку, оказавшегося его сыном. У героя есть хорошая, любимая жена, но он быстро решает ее оставить и ехать к давно забытой, когда-то мамочке восточной женщины, к сыну. Своё сына он увидел впервые в жизни и пробыл с ним всего несколько минут. Совершенно естественно горит желание немедленно позвать к себе сына, но совсем не оправданно, что разрыв с женой, которую по-настоящему любил, не разрыв, а его отъезд к новой семье совершается без малейшего затруднения.

Психологическая ценность подобных переживаний весьма сомнительна. Дальше следуют рассказы отнюдь не лирического склада. Это уже, так сказать, происшествийные, «остраненные» комедовы. Вор-профессионал («Сумочка») украл у девушки сумочку, потом раскаялся, вынул из сумочки, оставшуюся без денег, «корректно» ухаживал за ней, но, чувствуя, что скоро попадется, распрощался с ней. И все. «Вера получила письмо. Незнакомый человек в почтительных и теплых выражениях сообщил, что его друг, а ее знакомый, Михаил Петрович Таруни, утонув, купаясь в реке за дачей». Все это изложено галлом на трех страницах. И хорошо, что только на трех! Странно читать такую мелодраматическую чепуху.

И, наконец, два рассказа на одну и ту же тему — об уничтожении противоположности между умственным и физическим трудом. Это большая, ответственная тема, но автор не очень затруднил себя. Два школьника готовятся к зачету у открытого окна, мальчик красит дом, спускается в люльку к окну. Девушки общаются ему, что песня, которую он пел, принадлежит Рылеву. Мальчик благодарит за сведения. А на другой день во время зачета мальчик оказывается доцентом литературы и подтрунивает над девушками. Оказывается, он красил дом потому, что «меня земляки летом вспоминали, когда им туго пришлось».

Трудно поверить, что это не юмористический рассказ! Николай Кауричев, «Полные воды», изд. «Советский писатель», 1937 г., 97 стр., 2 р. 25 к. Редактор А. Тарасов.

В таком же роде и рассказ «Практикант».

Во втором разделе книги большинство миниатюр — для маленьких детей: «Чиж», «Зап», «Давид теленок», «Скворешня» и др.

Не довольствуясь выпуском в свет этой весьма неудачной книжки, издательство «Советский писатель» решило провести «массовую работу» — обсуждение книги на собраниях читателей-метроостроителей.

Любопытны высказывания рабочих метроостроителей о книге в целом. Тов. Хромченко: Рассказы бессодержательны, но поскольку они легко читаются, несколько ступенькаются их бессодержательности.

Тов. Комаров: Все товарищи в недоумении от этой книжки. Я вижу что недоумение на лицах многих товарищей и чувствую это сам.

Тов. Колясов: Мне кажется, что если бы я читал их в добровольном порядке, т. е. не для того, чтобы обязательно высказать свое мнение, то вряд ли я прочитал бы всю книгу до конца.

Как будто читатели книжки Кауричева высказались достаточно ясно. Правда, были кое-какие «смягчающие» отзывы вроде того, что книга читается «легко», что она «лирична» и т. п. В основном же, как видим, книга была оценена сурово.

Как же реагировали представители издательства «Советский писатель» и сам автор на критику рабочих-метроостроителей?

Своеобразную позицию занял редактор книги А. Тарасов. Он сказал: «Некоторые товарищи старались развить вопрос, на какой возраст рассчитана книжка. Мне думается, что этот вопрос праздный. Роль играет, главным образом, качество книги, а не то, на кого она рассчитана. Если рассказам хорошо написаны для детей, то их о удовольствием читают и взрослые. Если для взрослых хорошо написано, то и детям хорошо их прочитать».

Нечего сказать: разъяснил! Если последовать мудрому совету этого гора-редактора, то «хорошо написанную» «Анну Каренину» можно давать малышам, а «Мойдодыр» — предлагать вниманию взрослых. Должно быть, товарищи-метроостроители с таким же недоумением отнеслись к этому «кавалерийскому» разъяснению, как и к большинству рассказов Кауричева. Дальше Тарасов сообщил, что в области мелких рассказов никто не работает. Кауричев чуть ли не единственный вышел за этот жанр и... «в этом его мужество».

А затем послышалось нечто похвальное: «свежая лиричность», «исключительная чистота художественного зрелища» и т. д. и т. д.

Под конец своей речи Тарасов спохватился и сказал, что «Кауричеву совершенно необходимо идти в народ, в деревню, как это делает Михаил Шолохов», так как рассказы Кауричева несовершенны.

Ну что ж, и на том спасибо! А то мы готовы были записать Кауричева в классики современной новеллы! Однако, занятнее всего на этом собрании оказались некоторые мысли самого Н. Кауричева о нашей литературе и о самом себе. Он прямо так и заявил:

«Я считаю, что сейчас надо бороться против больших положений, потому что я знаю хороших писателей, которые никак не могут кончить начатые произведения». «Я в пору какого-нибудь писателя не становлюсь. Сама жизнь мешает».

«Возмните рассказы Мериме, Мопса, Чехова. Товарищи говорят, что о каждом моем рассказе приходится говорить отдельно. А разве о каждой новелле Мериме не приходится говорить отдельно? То же самое и Чехов. Просто мы отвыкли от этого дела». Вот с какой милой скромностью выступал Кауричев!

Первое условие работы с массовым читателем художественной литературы — это политическое руководство его чтением, воспитание его художественного вкуса.

Издательство «Советский писатель» занялось как раз противоположным. Вместо того чтобы, прослушав довольно резкую критику собравшихся, проанализировать причины такого положения и встать на путь, которым должно идти издание художественной литературы, и признать свою ошибку, издательство «Советский писатель» в лице своих представителей приняло усиленно расхваливать свою негодную продукцию.

ким образом за один и тот же материал авторы получали двойную оплату.

Этим авторам все же был представлен материал, а находившиеся люди, которые получали деньги буквально за «чужое слово». Так, редактору С. Рыкову было выплачено свыше тысячи рублей за специально отрецензированные статьи Тарасова, хотя эту работу проделал другой редактор.

Художнику Ушину еще два года назад выдали 10 000 рублей за иллюстрации к новому изданию книги «1001 ночь». Иллюстраций этих нет и по сегодняшний день.

«Полкормились» в издательстве и художник Кузнецов. За повторное издание его рисунков к «Евгению Онегину» ему заплатили полную ставку, как за новые иллюстрации.

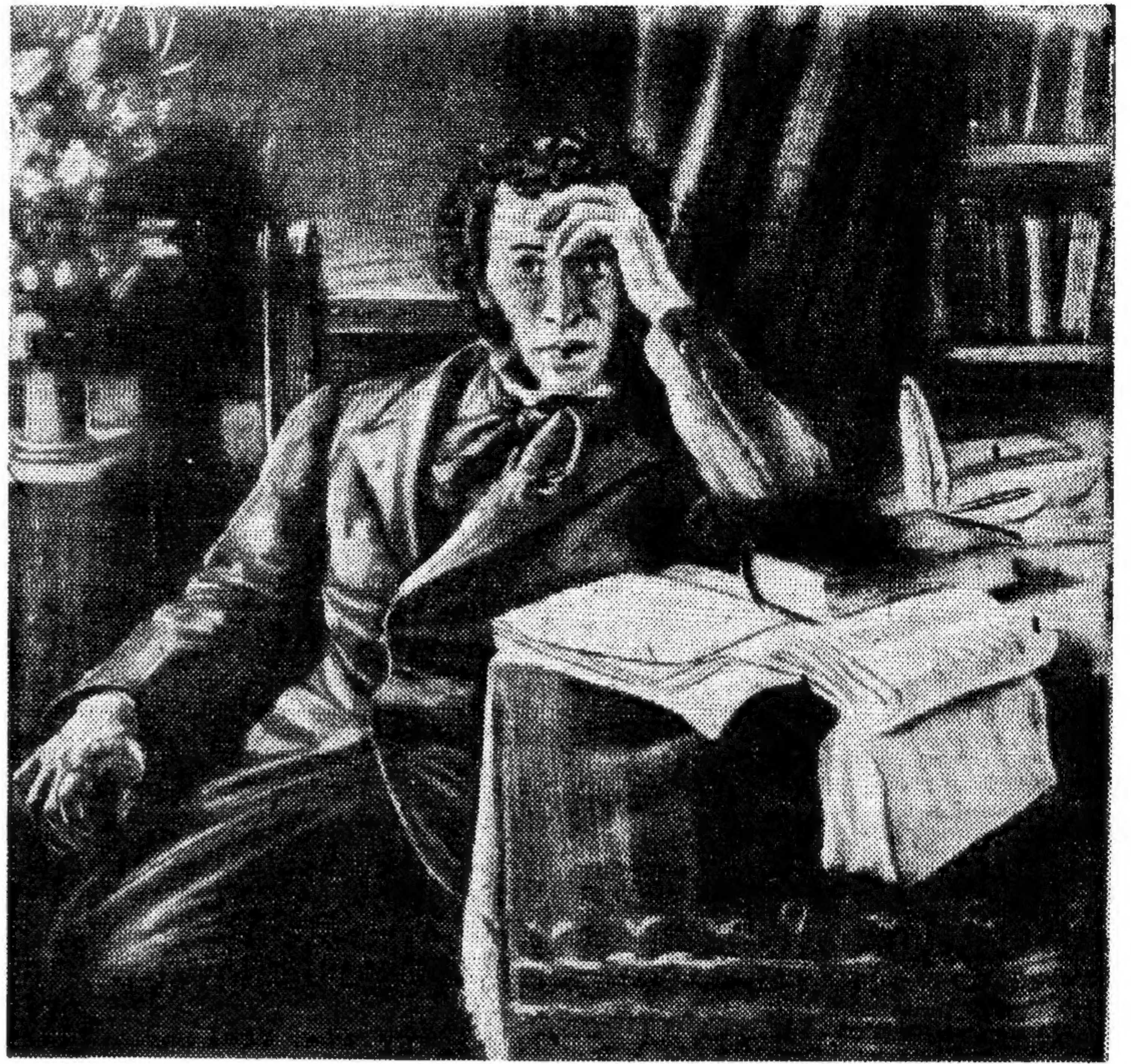
Десятки тысяч рублей были выплачены чуждым, враждебным людям. Огромное количество договоров на рукописи заключалось без учета плана работы издательства. На сегодня в недрах издательства лежат без движения около 7 тысяч авторских листов. Когда они будут изданы?

— Возможно в 1940 или в 1941 году.

В то же время в производство не сдается произведения, намеченные планом. Только за первое полугодие редактор не сдал: восьмой том полного собрания сочинений Шекспира, второй том сочинений Т. Г. Шевченко, первый том «Литинской мифологии», «Лираку» Митченца и т. д. В июле не сданы в производство 7 названий.

Но если рукопись даже сдана в типографию, то это, оказывается, не значит, что она отрецензирована и в скором времени выйдет в свет.

В среднем книги «Academia» находятся в производстве 10—14 месяцев. Некоторые же рукописи проходят производственные процессы годами.

«Пушкины» — картина Сергеева. (Город Энгельс. Республика немцев Поволжья). Весокозная выставка самодельного изобразительного искусства, открывающаяся в Москве 18 августа.

Художники-пропагандисты

Из поколения в поколение передают народные певцы: акыны, ашуги, бахши, гафизы, героические народные эпосы, легенды и сказания о выдающихся событиях истории своего народа, создают новые современные песни, отражающие чувства народных масс.

Всем Союзу известны имена Джамбула, Сулеймана Стальского, Абдулла Шаира.

Особой популярностью пользуются в прошлом и пользуются в настоящее время азербайджанские ашуги.

Ставшая плеяда народных певцов Советского Азербайджана не только передает трудящимся ставшие классическими образцы народного творчества, она создает новые советские песни.

В конце июля Азербайджанская государственная филармония организовала ряд концертов для рабочих Баку. Для участия в этих концертах приехали из районов выдающиеся ашуги. Успех, который они имели, свидетельствует об огромном интересе и любви к народному творчеству и исполнителям фольклора.

Познакомимся с пятью выдающимися участниками бакинских концертов.

Ашугу Асад Раеву из Геокчая — 63 года. Он пользуется огромной популярностью в Азербайджане, Армении и Грузии, 46 лет он поет свои песни, передает любимые сказания о народном герое Кер-оглы. У него хорошо сохранившийся голос, юношеский темперамент, изумительная выразительность исполнения.

Конкурс Музгиза

Объявлен конкурс на лучшую советскую массовую песню к двадцатилетию Великой пролетарской революции.

Конкурс организует Государственное музыкальное издательство, союз советских писателей и союз советских композиторов.

Участвовать в конкурсе, предусматривающем создание лучшего текста и лучшей музыки для массовой песни, приглашаются все советские поэты и композиторы.

Песня должна быть простой и доступной по форме, мелодичной, эмоционально насыщенной и художественно законченной. Тематика песни может быть самой разнообразной — героическая борьба советского народа и зарубежного пролетариата за социализм, защита родины, трудовой героизм, СССР — семья народов, Великая Сталинская Конституция, битва рабочих, колхозников и Красной Армии, жизнь советской молодежи, советская семья, женщина, любовная песня, колыбельная, детская, пролетарская, студенческая, спортивная и т. д.

Песни должны быть рассчитаны на индивидуальное или хоровое исполнение и могут быть с инструментальным сопровождением (фортепиано, балет и т. д.) и без него.

За лучшие поэтические и музыкальные произведения устанавливаются 10 премий (5 за текст и 5 за музыку): две первых премии — по 5 тысяч рублей, 4 вторых — по 3 тысячи рублей и 4 третьих — по 1 тысяче рублей каждая.

Срок конкурса — 1 октября 1937 г.

Асад — старый ашуг. В юности он был батраком-пастухом. Но его тянуло к песням, к творчеству. 20-летним пастухом с большим трудом собрал деньги, купил себе саз и о тех пор Асад стал ашугом.

Я, простой ашуг по имени Асад, Говорю: «Ты нашу жизнь вырази, как сад!»

Пропыхавший враг для нас не воскресает. Все народы шлют тебе саям, живи!»

Песня старого ашуга посвящена великому вождю народов, товарищу Сталину.

Творческая биография ашуга Мирзы Байрамова из Тауза начинается с первой русской революции 1905 г. За державные революционные песни Мирза Байрамов неоднократно подвергался преследованиям.

Но мрачные дни прошли. В свободной стране социализм звонкий и задумчивый голос ашуга создает новые песни, песни радости. Естественно, что в этих песнях почетное место занимает имя того, кто несет счастье человечеству.

Зодчий счастья моей страны, Слава имени твоему, Светом радости и весны Озарил ты тупую тьму.

Так поет ашуг Мирза из Тауза. Два ашуга — из Шамхора. Отец и сын: отец-ашуг Авак Азарян, сын-ашуг Самвел Азарян.

Ашуг Авак широко известен. Он много раз выступал на соревнованиях. Его сын, молодой ашуг Самвел, сумел показать на концерте в филар-

монии, что у него есть творческая индивидуальность. Их песни, звонкие и красочные, посвященные нашей прекрасной родине, зажиточной колхозной жизни, ставкамцам.

Пятый участник концертов, ашуг Ибрагим Алиев — из Кировабада. Он был батраком у беков.

Ашуг Ибрагим пел на концерте и светлых и радостных дней настоящего, о мире «обильном и культурном, принадлежащем нам».

В любом районе Азербайджана — Нухинском, Кировабадском и др. — ашуги пользуются любовью и гостеприимством.

Не раз отмечалось, что советские писатели Азербайджана не уделяют достаточного внимания творчеству ашугов. Много талантливых народных певцов нуждается в помощи и внимании. Необходимо работать над повышением их культурного и политического уровня. Создаваемые ашугами новые революционные песни, выражающие подлинно народные эмоции, чаяния и мысли, обогащают советскую литературу Азербайджана.

Оглянувшись, посмотрел и в даль веков, В глубь истории — и вывод мой таков,

Равных нет тебе, о, вождь большевиков, Нам мудрейшего история дала

Из вождей, что за столетия родила. И. АНУР.

Оглянувшись, посмотрел и в даль веков, В глубь истории — и вывод мой таков,

Равных нет тебе, о, вождь большевиков, Нам мудрейшего история дала

Из вождей, что за столетия родила. И. АНУР.

Оглянувшись, посмотрел и в даль веков, В глубь истории — и вывод мой таков,

Равных нет тебе, о, вождь большевиков, Нам мудрейшего история дала

Из вождей, что за столетия родила. И. АНУР.

Оглянувшись, посмотрел и в даль веков, В глубь истории — и вывод мой таков,

Равных нет тебе, о, вождь большевиков, Нам мудрейшего история дала

Из вождей, что за столетия родила. И. АНУР.

Оглянувшись, посмотрел и в даль веков, В глубь истории — и вывод мой таков,

Равных нет тебе, о, вождь большевиков, Нам мудрейшего история дала

Из вождей, что за столетия родила. И. АНУР.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ
КАЛЕНДАРЬ

1865 год

Умер М. Л. Михайлов

15 августа 1865 г. умер на каторге известный русский писатель и публицист Михаил Ларионович Михайлов — друг Чернышевского и Шелгунова, активный участник революционно-демократического движения 60-х годов.

М. Л. Михайлов попал в тюрьму в 1862 году, когда он был уже известным поэтом и автором публицистических статей, имевших considerable успех.

По доносу Костомарова (апостольский сфабрикованный фальшивый писем для осуждения Чернышевского) было установлено, что Михайлов принимал участие в составлении прокламации «К молодому поколению».

«Если для осуществления наших стремлений», — говорилось в этой прокламации, — для разрыва связи между народом и помещиком, мы не испугались бы и этого. И это вовсе не так ужасно, ибо дворянская партия, враг народа, а жалеть врага, нечего, как не жалеть вредные растения при расчистке огорода».

За эту прокламацию Михайлов был осужден на 6 лет каторги. Вольной органами его не выдержал каторжного режима, и он умер за два года до окончания срока заключения. Появление в «Колоколе» известие о его смерти Герцен озаглавил одним выразительным словом: «Убийца».

В течение 36 лет со дня смерти Михайлова его имя было опалено. Нельзя было издавать его произведения, нельзя было упоминать его имя в публицистических и критических статьях. Цензура добилась того, что Михайлова действительно стали забывать. Его замечательные переводы из Лонгфелло, Гейне и др. были широко известны в публике, но мало кто знал имя переводчика. То же было и с его стихотворениями; они часто ходили по рукам как безымянные. Даже в революционные времена, где стихотворение Михайлова «Смело, друзья, не теряйте» стало бое-

вой песней, многие не знали, кем оно написано. Нередко его произведения приписывали А. К. Шеллеру, писавшему под псевдонимом «Михайлов».

Только после революции 1905 года приобщения Михайлова вновь приобрели широкую популярность. Однако и тогда многих из его стихотворений нельзя было напечатать по цензурным условиям.

Полное собрание стихотворений Михайлова впервые увидело свет только после Великой Социалистической Революции.

1802 год

Родился Ленау

Сто тридцать пять лет назад, 13 августа 1802 г., родился один из крупнейших немецких поэтов — Николай Ленау.

«Ленау, — говорил о нем А. В. Луначарский, — выдающийся гениальный лирик... Ленау стоит на рубеже поэта и философа, поэтому он и был автором четырех философских поэм, которые безусловно заслуживают имени настоящих перлов философской поэзии».

Лирика Ленау — наиболее законченное выражение меланхолической поэзии XIX века. Уже название его стихотворений говорит о характере его поэзии: «Смерть весны», «Страстное томление», «Суета», «Двойная тоска по родине» и т. д. В лирических произведениях и в философских поэмах (особенно в «Фаусте») он ищет покоя, радость жизни кажется ему эфемерной. Единственным его произведением, чуждым пессимизму или скрытой меланхолии, является историческая поэма «Альбигойцы», написанная в реалистических тонах.

Пессимистический характер творчества Ленау нашел мировое отражение в музыке второй половины XIX столетия. Его поэмы и стихотворения послужили материалом для большого количества музыкальных произведений. В частности, на темы его «Фауста» написаны два симфонических этюда Листа; «Дон Жуан» Ленау послужил тематической канвой для симфонической поэмы Рихарда Штрауса.

Как писался роман
«Война и мир»

Экспозиция Толстовского музея

Толстовский музей в Москве, в связи с юбилейной датой 9 сентября 126-летней годовщины Бородинского сражения, расширяет экспозицию, посвященную роману Л. Н. Толстого «Война и мир».

Значительный интерес представляют книги Льва Николаевича, которыми пользовался Толстой при работе над исторической частью «Войны и мира».

Великий писатель, как известно, с огромной добросовестностью и кропотливостью изучал всю доступную ему литературу о войне 1812 г.

В статье «Несколько слов по поводу книги «Война и мир» он писал: «Везде, где в моем романе говорят и действуют исторические лица, я не выдумывал, а пользовался материалами, из которых у меня во время моей работы образовалась целая библиотека».

В настоящее время музей капитально ремонтируется, и посетители смогут познакомиться с его интересными экспонатами не ранее первой половины сентября.

«Облик грядущего»

«Облик грядущего» — научно-фантастическая киноповесть Герберта Уэллса.

Эта рассказ о будущей войне. Война начинается воздушным нападением противника на мирное население города Эвритуан.

Уэллс не раскрывает причин разбойничьего налета, изображает военные действия, показывает, как разрушаются города, как уничтожается человечество, как гибнет создававшаяся столетиями культура.

В этой библиотеке Л. Н. Толстого, хранящейся в музее, мы находим исторические труды русских историков Бодановича, Михайловского, Данилевича, Жихарева, книги знаменитого поэта-партизана Дениса Давыдова, книгу известного мемуариста И. Г. Липранди — «Пятидесятилетие Бородинской битвы» и многие другие. Из иностранных книг, которыми пользовался Толстой, в музее хранятся книги Гёте, де Секюра, Стендаля и других.

Рассел музея, посвященный «Войне и миру», будет пополнен малоизвестными гравюрами эпохи 1812 г. и рукописями романа.

В настоящее время музей капитально ремонтируется, и посетители смогут познакомиться с его интересными экспонатами не ранее первой половины сентября.

По страницам
детских журналов

«Пионер» — журнал бесспорный. Его особенность — его охватывает в то же время и недостатки журналов, в первую очередь такой существенный недостаток, как неумение ограничивать себя.

«Пионер» «седел» и торопился. Он рассеивает свое внимание по мелочам, старается быть всеобъемлющим, и это иногда утомляет много читателя, мешает ему сосредоточиться, отделяет главное от второстепенного.

Не приходится возражать против обилия отделов в журнале. Очень удачна идея «Научного телеграфа», где дается сводка последних достижений в науке и технике, нужен и отдел «Компас» — известия географического общества читателей «Пионера»; большой интерес представляет отдел «Почта», где юные читатели ставят волнующие их вопросы, делаются своими наблюдениями и впечатлениями. Бесспорно значение таких отделов, как «Военные страницы», «Спорт» и т. д.

Необходимо установить правильное соотношение между отделами и каждый из них сделать более целесообразным и действенным. Если образовать, как это делает «Пионер» в «Научном телеграфе», кучу сведений и по химии, и по физике, и по биологии, и по технике и т. п., то читатель получает лишь обрывки знаний, поверхностные представления о предмете. Вряд ли редакция «Пионера» имеет в виду так воспитывать своего читателя.

Журнал, не взирая «Костур», о котором нам уже приходилось писать, уделяет много внимания своему художественному отделу. В каждом номере пять-шесть и больше рассказов.

Но среди них немало «проходных» литературных, не способных волновать воображение ребят, дать им углубленное представление о нашей действительности, воспитывать в них чувства советского человека.

«Пионер» № 1—6 за 1937 г.

«Рекордный снимок» Павловой, «Душка» Кошелевой и др. — все это легковоле: нет здесь живых образов, нет художественного обобщения, нет ничего, что заставило бы призадуматься.

Мы сомневаемся также в целесообразности помещения рассказа М. Лоскутова «Деловая болельщица». Слишком по-отвлеченному обыгрывает Лоскутов колхозную тему. А ведь это единственный рассказ о советских колхозниках в шести номерах «Пионера» за 1937 год.

Лоскутов ставил себе, очевидно, задачу чисто развлекательного характера, и надо сказать, это ему не в малой степени удалось. Его дед Бородед, играющий из себя с помощью деревенской бабки «второго мужика», который в нем «спрятаны сидит» и т. д., это старинка, действительно смешно. Но не по этому образу и его окружению должен читатель-пионер судить о людях, героически борющихся против жестокой старой деревенской жизни, за торжество новых отношений, новой социалистической морали, новых форм труда.

Наибольшей художественной удачей журнала за текущий год является рассказ В. Фрейермана «Приключение на границе» (№ 1—2). Это хорошая приключенческая повесть, которая нужна советским детям. В ней нет нарочитой выдумки, она правдиво показывает быт советских пограничников, разоблачает гнусные уловки японских шпионов. Не прибегая к искусственному усложнению ситуации, Фрейерман заинтересовывает читателя, ведет его за со-

НАПРАСНЫЕ
СИГНАЛЫ

Письмо из Минска

Партийная организация и писательская общественность БССР занялись в последнее время очищением своих рядов от враждебных и случайных людей. Но ведется эта работа недостаточно энергично. Партийная организация и правление ССП БССР игнорируют многочисленные сигналы печати о драматурге И. Гурском — редакторе газеты «Литература и мастацтва».

Последние годы Гурский был связан с классово-враждебными элементами.

С 1927 года почти до последнего времени Гурский был руководителем секции драматургов ССП. Вся работа секции он переделывал другим людям, оказавшимся предателями родины.

Бесцеремонно распоряжался Гурский государственными средствами, раздавая их под видом «премий», «помощей» и пр. На сцену советских театров он протаскивал контрреволюционные пьесы («Рой» Шапалевича, «Сымон Карызна» и «Ная» Барепкого, «Микола Гоман» Станевского).

Находясь в руководстве ССП, будучи редактором «ЛМ», председателем драмсекции и секретарем парткома, Гурский создал вокруг себя атмосферу зажима, самодиктанта, в частности и в отношении критики его бездарных драматических творений.

Представление о творчестве этого «драматурга» дает пьеса «Кометары», в которой Гурский в лице идеального пролетарского поэта выводит человека, враждебного пролетариату.

Художественная ценность пьес Гурского настолько низка, что, несмотря на его «высокое» положение, ни одна из них не была поставлена советскими театрами.

О качестве редактируемой Гурским газеты «ЛМ» мы уже писали в «Литературной газете» (№ 28 — «Литературная слепота»). Сейчас все остается по-старому: газета по-прежнему не помогает партии в борьбе с врагами народа и их охвостьем. Разоблачительные материалы «ЛМ» перепечатывает из других газет или же берет из протоколов правления ССП (так было о делем Александровича, Мальтневского и др.).

ПРЕНЕБРЕЖЕНИЕ
К ЧИТАТЕЛЮ

Года полтора назад в Гослитиздат поступил русский перевод избранных произведений Леконта де Лилля.

У нас есть основание полагать, что сей «переводческий труд» встретит возражение со стороны любого читателя, более или менее знакомого с французской литературой. Переводчик не являет следы алгебры. Французский поэт в интерпретации переводчика напоминает скорее Гумилева. Однако все эти обстоятельства не помешали гослитиздатским редакторам одобрить перевод, сдать в набор и включить в план 1937 года.

В текущем году книгу выпустить не удалось. Но гослитиздатские работники не теряют надежды: предпосылки советским читателям нужного перевода. С ведома и благословения руководства издательства сектор иностранных классиков включил все то же перевод Леконта де Лилля в тематический план издательства на будущий год.

Чем иным, как не пренебрежением к читателю можно объяснить эти по меньшей мере странные деяния Гослитиздата?

В. ЛОБ.

«Возвращение с базара» (Западная Грузия) — картина Чучуа-Селезневой. Ховрино Московской области. Всесоюзная выставка самодельного изобразительного искусства, открывающаяся в Москве 18 августа.

ЛИТКОНСУЛЬТАЦИЯ
или
«БЮРО ОТКАЗОВ»?

«Правда» сигнализировала о неблагополучии в издательстве «Молодая гвардия». Описывая дела бывшего директора издательства переломщика Лещинера, «Правда» сообщила, что «тратя десятки тысяч рублей на личный комфорт, Лещинер сократил в принадле администрации утрату ассигнования на работу с молодыми авторами в два с половиной раза».

До вимы текущего года в литконсультации «Молодой гвардии» работали пять консультантов.

Единным ростерком пера произведя «усеконовые» сметы литконсультации, Лещинер тем самым поставил ее работу под угрозу развала. Пришлось уменьшить число сотрудников до двух при огромном количестве поступающих рукописей. Естественно, что справиться с этим потоком литконсультанты не могут.

Все это привело к тому, что литературная консультативная фактически перестала существовать. Работа ее резко ограничена. По существу сейчас помощь оказывается только тем авторам, произведения которых принципиально приемлемы для журнала.

Во всех остальных случаях литконсультация принуждена ограничиваться очень кратким отзывом, вернее, мотивированным отказом в напечатании.

Снижение сметы привело к нарушению специального постановления ЦК ВКП(б) о литературно-массовой работе. В нем ясно сказано, что, независимо от судьбы рукописи, автор должен получить исчерпывающий отзыв о ней с указанием всех ее достоинств и недостатков и способов исправления последних.

«Молодая гвардия» в последнее время слабо руководит работой литконсультации, не дает направляющих указаний. А в этих указаниях лит-

консультанты крайне нуждаются. Остро стоит вопрос о повышении квалификации литконсультантов.

В прошлом году при Гослитиздате некоторое время работал семинар, но очень скоро он прекратил свое существование. Подготовкой квалифицированных работников для литконсультаций никто не занимается.

Квалифицированные писатели никакого участия в работе консультации не принимают, а если и принимают, то так неохотно и лениво, что едва ли это может принести пользу.

Все эти неполадки вызывают справедливое недовольство молодых авторов. Посылая в литконсультацию свои вещи, они рассчитывают получить исчерпывающую критику их работ, а получают отказ и нередко с очень большим опозданием.

Очень много товарищей, обращающихся за помощью в литконсультацию, недовольны ее работой.

Разумеется, недовольство многих из них весьма справедливо. Но среди молодых авторов нужно выделить и группу людей, недовольство которых имеет нездоровую почву. Это прежде всего малограмотные товарищи. Указания чисто литературного порядка ничего не дают им: они их просто не понимают. А указания на малограмотность, на необходимость учиться не удовлетворяют и обижает их.

Вот, для примера, письмо одного из таких товарищей: «Желая сотрудничать по изданию журнала «Молодая гвардия» и имея много выработанных поэтических материалов в виде стихов, я хотел просить Вас о помещении их на страницах журнала. Мои стихи полны описания наблюдаемых мною фактов, как то: воспоминания о курорте, описание природы, любовные темы, а также потрясающие факты нашей социалистической стройки, перелет Чкалова и другие. В удовлетво-

рительном случае прошу сообщить условия».

Единственное условие, которое можно сообщить этому наивному товарищу, это то, что ему нужно учиться, читать, развивать свой вкус, и что лишь после долгой и упорной работы, возможно, создаст произведение, достойное называться художественным. Молодых авторов этого типа не удовлетворяют никакие консультационные отзывы, как бы добросовестны они ни были. Эти авторы рассчитывают получить от литературной консультации такой рецепт, такой писательский эликсир, который позволил бы им сразу изготовить первоклассные художественные произведения. Они не понимают, что литературный консультант не может научить их писать, что в лучшем случае он может лишь указать им путь учебы.

Есть еще одна категория недовольных. Это — авторы, которые пишут гладко. Обладают только основами литературного мастерства, они способны написать километры бумаги штампованными гладкими стихами или рассказами, но ничего свежего найти в их произведениях не могут. Им особенно трудно доказать, что их произведения плохи, так как грубые формальные недочеты в их вещах нет.

Условия работы литконсультации «Молодой гвардии» явно неудовлетворительны. Неудовлетворительна и сама работа. Положение, при котором литконсультация изведена до роли «бюро отказов», — нетерпимо. Перед новым руководством издательства надо со всей серьезностью поставить вопрос об увеличении сметы на работу с молодыми. Это позволит привлечь к работе новых квалифицированных консультантов.

Надо, кроме того, наладить учебу самих консультантов и привлечь крупных писателей.

Д. М. НЕДРИН

РОМЭН РОЛЛАН
О ПОСТАНОВКЕ
«АННЫ КАРЕНИНОЙ»

11 августа в Париже в переполненном театре Елисейских полей состоялся третий гастрольный спектакль Московского ордена Ленина академического художественного театра — «Анна Каренина».

Среди присутствовавших многочисленных представителей французской литературы и искусства был великий писатель Франсуа Ромэн Роллан.

После того как занавес опустился в последний раз и долго не смолкавшие аплодисменты начали замедлять, Ромэн Роллан пришел за кулисы.

Ромэн Роллан выразил работникам театра свою благодарность за постановку любимого французскими толстовского романа.

— Игра актеров, — сказал он, — дает артисту возможность почувствовать самую атмосферу величайшего творения гениального русского писателя.

Избранные
работы
Н. Я. Марра

Четвертый том «Избранных работ академика Н. Я. Марра» выходит в издательстве Академии наук СССР.

В том включены статьи, направленные против расистских теорий происхождения и развития языка, проповедующих фашистскими мракобесиями.

«Литературный
архив»

Издательство Академии наук СССР выпускает в ближайшем времени сборник «Литературный архив».

В нем будут напечатаны документы из личного и семейного архива А. С. Пушкина, неопубликованные материалы, характеризующие отношение к великому поэту его современников, и материалы о том, как работали над текстами пушкинских произведений Белинский, Бросов и Вязем.

В этом же сборнике читатель найдет неопубликованные произведения декабристов Востужева, Рылева и др., произведения поэтов XVIII века и научное описание рукописей Гоголя, хранящихся в Институте литературы Академии наук СССР.

В Доме печати

16 августа, в 20 часов, в Доме печати состоится доклад секретаря ВЦИК т. А. С. Киселева «Задачи печати в связи с предстоящими выборами в Верховный Совет СССР».

После доклада будет демонстрироваться машина для автоматического подсчета голосов на выборах.

В фойе Дома печати открывается выставка литературы, посвященной вопросам Конституции СССР и наблюдательному закону.

Председателем оргбюро Дома печати избран директор Партидзата т. Г. М. Бройдо.

КНИЖНАЯ ХРОНИКА

ГОСЛИТИЗДАТ
ВЫПУСКАЕТ:

* Шестой том полного собрания сочинений Вл. Маяковского. В том помещены поэмы «100.000.000», «Прощай», «Владимир Ильич Ленин», «Хорошо».

* «Фауст» Гете. Печатается в пятом томе полного собрания сочинений великого немецкого поэта. Тексту поэмы предпослана статья А. В. Луначарского. Перевод И. Ходолковского.

* Две повести П. Гопвача. В книгу вошли повести «Носители ненависти» и «Они не пройдут!», посвященные героической борьбе белорусского народа за освобождение своей родины от белополяков. Автор респекта партизанское движение в Белоруссии в период гражданской войны и руководящую роль в этом движении рабочих-большевиков.

* «Поэмы Мордовина» — сборник произведений мордовских поэтов. Любовь к социалистической родине, счастливая жизнь трудящихся — вот темы поэм и стихов, вошедших в сборник.

* «Калифорнийские повести» Брет Гарта. В сборнике печатаются свыше 20 прозаических произведений американского писателя, в том числе большая повесть «Счастье Ревущего года».

Ответственный редактор
Л. М. СУБОЦКИЙ.
ИЗДАТЕЛЬ:
Журнально-газетное объединение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер. д. 26, тел. 69-81.
Издательство: Москва, Стреловый б-ль, 11, тел. 4-66-18 и 5-51-68.